

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР. Выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кулагина, В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова, Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 38 (889)

Среда, 10 июля 1940 г.

Цена 30 коп.

Сегодня в номере:

1 стр. ПЕРЕДОВАЯ. Новые задачи. С. НАГОРНЫЙ. В Северной Буковине. Бессмертие народа. ПИСАТЕЛИ — ВЗАИМЫ ГОСУДАРСТВУ. Подписка на заем в Москве, Ленинграде, Львове и других городах СССР. ЗА ПЯТЬ ДНЕЙ.
2 стр. М. ГРОУ. Настроения. Крум КЮЛЯВКОВ. Творчество Гюнчо Белева. В. МИХАЙЛОВ. Записки капитана Ван Си. С. ГРИГОРЬЕВ. Четыре номера «Интернациональной литературы». Ц. П. Сокровища китайского искусства.
3 стр. А. ДЕРМАН. «Открытие» Америки. В. ПЕРЦОВ. Читая Ахматову. М. СЕРЕБРЯНСКИЙ. По-новому о теме не новой. АКАКИЙ ЦЕРТЕЛИ. Памяти Гоголя (стихи в переводе Б. Пастернака).

4 стр. Д. ДАНИН. Начало пути. Х. АДЖЕМЯН. Расследство Раффи. Евг. ЛИНДБЕРГ. Правда или вымысел? И. ВЛЕНСКИЙ. Совещание начинающих писателей Узбекстана.
5 стр. Александр ДРОЗДОВ. Габит Мусуров и его пьеса. Проф. Л. ИЛЬИН. Стиль города. Вадим ШЕРШЕВНИЧ. Об одной постановке. В. ГОЛУБЕВА. В телевизионном центре.
6 стр. А. К. Редкие книги. И. Н. В. Третьяковская галерея. В. АНЮБ. О дороге изданий и массовом читателе. М. ЮРЬЕВ. Собрание писателей Саратова. И. БУКМАН. Первый том стихов Александра Блока. ИНФОРМАЦИЯ. Оборонная работа среди писателей. Юбилейный пленум союза архитекторов. НОВЫЕ КНИГИ.

Новые задачи

Время, когда понятие советской художественной литературы ассоциировалось лишь с тем, что создавалось одними русскими современными писателями, мифологизировано. Многонациональность советской литературы, как один из отличительнейших ее признаков, ныне признана всеми.

В соответствии с этим новым пониманием характера развития советской литературы проходила в эти годы и перестройка работы союза писателей, издательства и журналов. Не случайно издание переводной литературы с языков народов СССР заняло в настоящее время в издательских планах Гослитиздата существеннейшее место, а наиболее крупными событиями нашей литературной жизни последних лет явились торжества, посвященные классическим произведениям и великим классикам советских народов. Юбилей Шота Руставели, юбилей Тараса Шевченко, эпоса «Давид Сасунский», Коста Хетагурова, И. Куратов, Ак. Церетели так же, как и литературные декады Белоруссии, Киргизии, Украины, Калмыкии и особенно недавно проведенная в Москве декада литературы Советского Азербайджана, явились крупнейшими событиями не только литературной, но и всей нашей общественной жизни.

Почти все лучшие советские поэты принимают теперь участие в переводах с языков СССР, тогда как всего несколько лет назад количество переводчиков исчислялось единицами.

Если подытожить все успехи в деле сближения братских литератур, то окажется, что основная часть их приходится именно на два последних года. Внимание к национальным литературам подскочило самой жизнью; оно предопределено политической партией, сталинской идеей дружбы народов и вызвано интересами растущего массового читателя, который интересуется хозяйственными, производственными достижениями братских народов, их бытом, культурой, всем их творчеством.

Однако не забудем, что в советских условиях успехи, достигнутые вчера, уже не могут в свете сегодняшнего дня считаться достаточными, если они не будут расширены и углублены.

Наше знание национальных литератур стало неизмеримо шире того, что мы знали о них несколько лет назад. Но не будем закрывать глаз на то, что оно еще не совсем общее, поверхностно и далеко не полно. Все, что проделано до сих пор, все статьи, доклады на литературных вечерах в основном передавали информационный материал о литературе братских народов. Информации необходима, но нельзя ею одной довольствоваться. Пора переходить к углубленному изучению отдельных национальных писателей и их произведений. Между тем критических статей такого характера нет. Мы не знаем ни одной серьезной критической статьи, в которой бы явления литературы того или иного советского народа рассматривались в связи с литературными явлениями любого другого народа СССР. А без такого сравнительного анализа не приходится и говорить о каком-либо настоящем понимании процессов развития всей многонациональной советской литературы.

В статьях о национальных литературах в большинстве случаев торжествует суммарный подход к писателям. Мы пишем и говорим о казахской литературе вообще, об узбекских или киргизских писателях вообще, об азербайджанском, татарском или якутском отряде советской литературы. Но ведь отряд составлен из отдельных живых писателей разного дарования, разных вкусов, разных писательских судеб и различных творческих интересов. Пора узнать творческий облик каждого значительного советского писателя вне зависимости от того, на каком языке он создает свои произведения.

Для работы советских критиков в этой области открыты просторы, поистине необятные и не исхоженные. Нужно удивляться той настойчивости, с какой большинство критиков чурается этих просторов. Уже отмечалось в печати, что в декаде азербайджанской литературы приняли деятельное участие московские поэты и беллетристы, и почти никакого участия не приняла критика. Иные из критиков объясняют свою столь странную позицию в отношении изучения национальных литератур своеобразной робостью, продиктованной новизной и трудностью дела. «Чтобы со знанием дела говорить о том или ином писателе, — говорят они, — мало прочесть то, что он написал, надо знать и всю литературу, вскрывшую эту талант, надо знать страну, возраставшую эту литературу, надо изучить ее историю, обычаи, национальные особенности, ее фольклор, классику. Это сложно и трудно». Бессспорно, это все так и есть. Но когда и кто говорил, что занятие критикой и вообще литературой дело легкое? Опыт, полученный В. Кирпотиным, сумевшим стать непонятым знаком армянской литературы,

или опыт В. Гольцева, много и плодотворно работающего над разработкой вопросов развития грузинской литературы, доказывают, что сложное и трудное дело изучения национальных литератур все же по плечу советским критикам. Было бы только желание. Вот этого-то желания мы и не видим в работе секции критиков союза писателей. Все сколько-нибудь ценное, что написано о литературах и отдельных писателях братских республик, написано в основном не профессиональными критиками, а писателями-переводчиками, поэтами и беллетристами — А. Алаис, П. Антокольским, Л. Соболевым, М. Шагинян и другими.

Вполне законно и своевременно поставить сейчас и другой вопрос. Если даже русские критики возьмутся, следуя примеру В. Кирпотина и В. Гольцева, за глубокое изучение братских литератур, — достаточно ли это? Конечно, такой поворот был бы огромным достижением. Но без воспитания и роста национальных критических кадров проблема полностью не была бы разрешена. Наша работа, следовательно, должна вестись в двух параллельных направлениях, ведущих к единой цели: привлечь русских критиков к изучению национальных литератур и вырастить кадры национальных критиков. Необходимо в частности, очередные курсы-конференции посвятить молодым критикам республик СССР. Много внимания, времени и сил отдало было за прошедшее время упорное изучение поэтических переводов с языков народов СССР. Но совершенно обойден вопрос о переводе национальной прозы. Укрепилось ложное убеждение, что заслуживает внимания только национальная поэзия, проза же в большинстве республик чересчур мала, слаба и занимается ею всерьез пока что редко. Нет буквально ни одной статьи о национальных литературах, в которой бы не говорилось: «Что же касается прозы, то народ (или народы) до революции своей прозы не знал, не имел, и советским прозаикам приходится строить, так сказать, на пустом месте. Это чуждое заблуждение. Прозу знали и имели все народы без исключения. Они знали ее как народные сказки-повести, очень часто изумительные по совершенству. Они знали ее как устный эпос, почти всегда лишь вольному-стихотворный и вольному-прозаический («Бер-Оглы», «Зюрье и Тейри», «Эдиге», «Алишан» и др.). Они знали, наконец, и профессиональную прозу писателей-классиков. Не знали этого только мы, и утверждая печально, что проза в большинстве национальных республик родилась вчера, мы дезориентируем самих вольных прозаиков.

Пренебрежение к национальной прозе зашло так далеко, что во время декады национальных литератур (белорусской, калмыцкой, киргизской и даже азербайджанской) не было продемонстрировано ни одного прозаического произведения, тогда как, скажем, та же азербайджанская литература по праву может гордиться такими повестями и романами, как «Манифест старого человека» Мир Джаляла, как «Тавриз туманлы» Орудубай.

Переводы национальных романов и повестей переводятся в издательствах не художником слова, не писателем, а просто лодым, знающим тот или иной язык. В результате и появляются на русском языке серые, сухие переводы, не могущие хотя бы даже приблизительно дать русскому читателю представление о художественной ценности оригинала. Необходимо привлечь к переводу прозы крупных русских беллетристов. Только при этих условиях русский читатель сможет по-настоящему оценить и тонкое мастерство узбекского повелителя Абдулла Кахара, и разный юмор Давидзала, и краткую пародию языка устных повелителей туркменского поэта и прозаика Дуры Кылыча.

Решительный сдвиг должен быть произведен и по отношению к национальной драматургии. Театры не устают жаловаться на недостаток репертуара, а замечательные произведения национальных драматургов: Самеда Вургуня, К. Кранина, Джафара Джабарлы, Хамаз Халим-заде, Сабита Рахмана, Йешева и многих других остаются непонятыми на русской сцене.

Очень плохо обстоят дела со взаимным ознакомлением отдельных национальных литератур между собой. Если в деле сближения русской советской литературы и национальных литератур мы можем констатировать не малые успехи, то почти никаких успехов нет в ознакомлении, скажем, татарских писателей с тем, что происходит в литературе таджикской или даже чувашской и марийской, хотя и Чувашская и Марийская республики соседствуют с Татарией.

Эти и многие другие вопросы возникают сейчас, когда перед союзом писателей, перед всей литературной общественностью стоят новые, еще более сложные, чем прежде, задачи — не только ознакомиться, но и глубоко изучить и осветить богатства литературы всех братских народов СССР.

места работы мы не имели, ездили по всей Буковине и Бессарабии. Жили впроголодь. Спектакли очень часто закрывались цензурой. Правильное слово о СССР вызвало репрессии. Афиши мы должны были печатать на румынском языке. Только любовь к украинскому искусству поддерживала в нас бодрость.

Поэты С. Михалков, М. Голышев, А. Малышко и К. Герасименко прочитали свои произведения. Тепло были встречены выступления заслуженного деятеля искусств кинорежиссера А. Довженко и заслуженного артиста РСФСР М. Жарова.

3 июля на Александровской улице в г. Кишиневе состоялся парад Красной Армии и демонстрация населения в связи с освобождением Бессарабии. На снимке: дети подносят цветы бойцам.

Красноармеец-комсомолец Кутуш Галпиев беседует с батраками в бывшем поместье боярина Григоря (Сев. Буковина). На снимке (справа налево): Кутуш Галпиев, Прокл Мугурин, проработавший батраком в поместье всю жизнь, и батрак Николай Куташ, проработавший 40 лет.

С. НАГОРНЫЙ

Специальный корреспондент «Литературной газеты»

В Северной Буковине

От Снятина, на бывшей румынской границе, до Черновцов — сорок километров. Сегодня машина пробежала это расстояние за три четверти часа. 29 июня мы ехали три часа. Тяжело нагруженные грузовики, специальные автомобили различных назначений, броневики, танки, тягачи, взвешивая пеньки промывающихся прицепов, орудия, много машин, а также копытные упряжки, тачанки, обомы — все это ошеломяло тракт и тротуар, как вода в трубе, — стремительно, неостановимо.

А навстречу, чем далее мы углублялись в Северную Буковину, все чаще встречались солдаты румынской армии. Они старательно козыряли нашим командирам, выставляли грудь и прищипывали брови лямками. Связанные шпурками ботинки казенного образца висели через плечо. Солдаты шли группами и небольшими земляными проходами, шли по-мужичьи — расступив обмотки и покла, расступив кочки грубопротынутых зеленых муляров, то и дело присаживаясь на прохладную после жары траву. Один пошел, козырянул, попросил прикурить. Мы услышали мягкий украинский говор, такой, как под Винницей или где-нибудь «Виза Динария». Он рассказывал: восемнадцать украинцев его роты решили остаться в родной Буковине, когда румынские офицеры повели полк на юг. Офицеры не могли подчинить себе солдат, по их хватило на то, чтобы стрелять уходящим в спину. Из 18 человек остались лежать на теплой земле, увлажненной кровью. Солдат рассказывал об этом, вздохнул, поправил ремень. Чем-то он напоминал нам Шардина в «Человеке с ружьем», каким его играл Тетин: большое уставое лицо в густой рыжей щетине, встревоженное и возмущенное выражение глаз.

С. НАГОРНЫЙ

Бессмертие народа

В народе пели так: Ой у лузі червона калина похилилася, Чегося наша славна Буковина засмутилася...

Это песня не новая, она родилась сотни лет назад, говорилось в ней о польском гнете, говорилось об Украине, но когда на Буковину опустелась каменная палита румынской неволи, народ песню вспомнил, немного ее изменил. Тоска и надежда Буковины была в этих песнях, которые пелись тайком, впопыхалось, за которые били и сажали в страшные румынские тюрьмы.

Буковину, мій солодкий краю, Як на тебе нагадаю, тяженько вдихаю. Бо колись на Буковині легко було жити, А тепер у Буковині тяжко говорити...

Перед нами горка листов, денеснявших аккуртатурно, гнатьельно почерком. Ручки приписки в редакцию советской газеты «Радянська Буковина», которая основалась на другой день после появления первого нашего бойца на улицах Черновцов. Приписки пожелтой человек, но внешне — учитель или врач, попросил просмотреть и рецензировать ли его работу. Он ушел, забыв назвать свою фамилию и не оставив адреса. Между тем то, что он сделал, заслуживает глубокого уважения. Это большое собрание буковинского фольклора, итог многолетнего беспрестанного и опасного труда. Песни записаны от десятков лиц в многочисленных пунктах Буковины. Кроме песен, которых около 800, записаны обряды, предания, поверья, колядки. Специальная тетрадь посвящена народным мотивам. Это образцы замечательного мастерства, орнамента, которые, подобно пероглафам, требуют расшифровки.

Как ни старалась сигнатурна, народ жил своей собственной жизнью. Он был неподвижен, скованный народ, и подобно тому, как узнают, что жив человек, по еле слышному дыханию, по песням узнавали, что народ не умер под румынскими плетями. Песни, которые мы здесь сейчас узна-

Страдания противостоятся. Человеку свойственно быть счастливым. Это видно по тому, как легко люди переходят здесь от удивления к непосредственному переживанию радости.

Огромным достижением пользуются в настоящее время красноармейцы и командиры. Их полюбил с первого взгляда. От них ждуть только хорошего. Разницу между солдатами и красноармейцем, офицером и командиром поняли сразу. Один старик-крестьянин из деревни Кучур Великий, подполковник, старый, с серыми локонами до плеч, сказал красноармейцам:

— Я тебя люблю за то, что сижу, когда ты стоишь.

В Черновцах был только один профессиональный театр — румынский (кстати, румын в городе было несколько процентов). Теперь здесь уже гастролирует украинский театр из города Коломыя. Станиславский театр из города Болотова. Станиславский театр, созданный в бывшем польском городе, когда была освобождена Западная Украина. Еще два дня назад в Черновцы прибыли представители украинского Комитета по делам искусств. Перед новым советским активом города возникла задача, которая кажется здесь уже естественной: разместить несколько стационарных театров.

Люди очень легко привыкают к новому. Те отношения, которые были выработаны в нашей стране, устанавливаются удивительно быстро. Мы приносим сюда освобождение, опыт новых человеческих отношений. Этот опыт был завоеван многими годами, теперь его воспринимать сразу. Должно быть, это объясняется тем, что законы социального бытия — единственные естественные законы, вытекающие из природного влечения человека к счастью и правде.

ем, это дыхание народа, тихое, приглушенное дыхание измученной Буковины, которая вдохнула сейчас свободу.

Выяют пфры более выразительные, чем самые красочные описания. В Австрийской империи, которая отныне была доброй матерью для национальных меньшинств, украинцы пользовались еще некоторыми правами. По сведениям «Статистического справочника буковинского школьного состава», здесь было еще в 1910 году 212 украинских четырехклассных школ. Первой мерой румынских захватчиков было закрытие всех 212 школ.

Румыны измучили целое поколение детей в своих школах. Они не позволяли извлекать произведения старшей украинской писательницы Ольги Кобылянской. Когда в Черновцы прибыл советский фильм «Сорочинская ярмарка», народ устремился в залы кинотеатров. Но румынские власти запретили демонстрацию «Сорочинской ярмарки».

Вот документально подтверждаемый случай: когда Ефросиния Семака из села Вызеньки пелась одлажды сорочку, вынудив многочисленным украинским узором, жанрами пошлеть к ней на улице и советской шашкой отрезал рукава, по богу этого оказалось ему мало, он отрезал еще один лоскут полотна — при этом была расколена грудь женщины.

Другой случай. Префект Черновичского уезда Теодореску обратился ошлады на улице в каком-то вопросе к проходящей сельке. Та ответила по-украински. Префект собственной палкой разозлил женщину голову. Румынская цивилизация «второжествовала» и на сей раз. Теперь, когда об отвратительной деятельности румынских силгов можно говорить, как о прошлом, важно, насколько бесподобны были их усилия поглотить украинскую культуру. Мы застали в Буковине живой творческий народ, народ, воспринявший свое счастье легко.

Это радостно сознавать. Никогда не перестает восхищать самое чудесное в мире — это бессмертие народного.

За пять дней

ПО ГОРЬКОВСКОМУ МАРШРУТУ

Студенты-выпускники Литературного института союза писателей А. Машевич, С. Смирнов и Г. Власенко выехали на-днях в г. Горький, чтобы начать оттуда пешеходное путешествие по маршруту, предложенному Алексеем Максимовичем в 1891 году. Участники похода пройдут через Горький, Казань, Куйбышев, Сталинград, Мануйловку, Одессу, Николаев, Ялту, Орджоникидзе — в Горы, по долине великого Сталина, где в свое время побывал Алексей Максимович.

А. Машевич, С. Смирнов и Г. Власенко займутся сбором материалов для книги «Через пятьдесят лет по Горьковскому маршруту» и записью фольклорных материалов. В колхозах они проведут литературные вечера и беседы. Будут также проведены лекции о творческом пути М. Горького.

Поход продлится 6—8 месяцев.

ПИСАТЕЛИ — КАНДИДАТЫ НАУК

В Харьковском государственном университете им. М. Горького состоялась защита диссертаций на ученую степень кандидата филологических наук, писателя Степаном Ермажанивским и Марком Черняковым.

Диссертационная работа С. Ермажанивского «О новеллах В. Стефаника» оценена как большой научный труд, в котором диссертант использовал много до сих пор неизвестного биографического материала о замечательном украинском повелителе. Диссертационная работа М. Чернякова «Политико-диалектический роман Херасюка» также получила высокую оценку от официальных оппонентов, проф. Розенберга и доцента Габель.

Ученый совет филологического факультета постановил присвоить писателям гг. Чернякову и Ермажанивскому ученую степень кандидатов филологических наук.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ МАСТЕР ГИЛЯЗЕДИН САЙФУЛЛИН

Союз советских писателей и союз советских композиторов Татарии устроили недавно интересный вечер, посвященный чествованию старейшего татарского музыкального мастера Гилязетдина Сайфуллина.

Вышедший из низов татарского крестьянства, Гилязетдин Сайфуллин (ему сейчас 68 лет) первым из татар стал изучать различные музыкальные инструменты. Работая в очень трудных условиях, находился под постоянным преследованием татарского духовенства, он интересовался механикой записи и изготовления жестяных пластинок для различных музыкальных заведений яппхов. Он сам изобрел станок для записи, стал изготовлять пластинки с татарскими мелодиями и за полвека работы записал более 400 мелодий. Среди его записей много старых народных мелодий, дошедших до нас исключительно по его пластинкам. Сайфуллин изготовлено и распространено свыше миллиона таких пластинок.

Несмотря на свой преклонный возраст, Сайфуллин еще бодр и продолжает работать, записывая песни и мелодии. Он переработал много материалов Казанскому кабинету музыкального фольклора и Татардикомитету.

Вечер чествования Сайфуллина открыл ответственный секретарь ССП Татарии поэт Муса Залиял. Выступивший с небольшим докладом заслуженный деятель искусств Татарии композитор А. С. Ключаров привел много интересных данных о деятельности Гилязетдина Сайфуллина и выразил ему от имени музыкальной общественности Татарии благодарность.

На вечере выступили также поэт Фатхи Бурнаш, композитор Джаудат Файзи и тов. Шафигуллин.

В конце вечера состоялась демонстрация музыкальных яппхов и пластинок, изготовленных Г. Сайфуллиным.

ПИСАТЕЛИ — ВЗАИМЫ ГОСУДАРСТВУ

МОСКВА

С каждым днем увеличивается сумма подписки на Заем третьей пятилетки (выпуск третьего года) среди писателей, поэтов и драматургов. В управление авторских прав поступают сведения от членов союза советских писателей, находящихся в Москве.

На 8 июля общая сумма подписки составила 501.800 рублей. По 5.000 рублей подписались А. Арутюнов, В. Гусев, В. Титов, В. Соловьев, на 6.000 руб. — К. Финн. На 20.000 рублей подписались на новый заем наследники М. Горького — П. А. Пешкова и две внучки писателя.

ЛЕНИНГРАД

На 8 июля в Гослитиздате подпиской охвачены все 100 проц. работающих — на 166.075 рублей, что составляет почти 104 проц. среднего месячного заработка. В Гослитиздате подписались художники и другие внештатные работники на 17.650 рублей.

С большим подъемом проходит подписка на новый заем среди ленинградских писателей. По сведениям комитета группомка писателей, за первую неделю на заем подписались 317 человек на общую сумму — 318 175 руб. Надо отметить, что в прошлом году за первые семь дней подпиской на заем было охвачено 210 человек, а сумма подписки составляла 194 000 руб.

ЮБИЛЕЙ МАДЖИТА ГАФУРИ

24 октября 1940 г. башкирский народ будет отмечать 60-летие со дня рождения башкирского поэта Маджита Гафури.

Для проведения юбилея М. Гафури создана комиссия. Башкирский институт языка и литературы подготовил к изданию «Избранные произведения». Институт подготовил около десяти печатных листов построичков произведений Гафури для перевода их на русский язык.

Кроме этого институт готовит к печати полное собрание сочинений Гафури, а также сборник очерков и статей о жизни и деятельности поэта и биографический очерк, который будет издан отдельной брошюрой на башкирском и русском языках.

Башкирский поэт С. Кулаш работает над пьесой «Маджит Гафури».

Ведется также подготовка к открытию в Уфе постоянной комнаты-музея М. Гафури. На уфимских домах и зданиях, где жил или работал поэт, будут установлены мемориальные доски.

ТВОРЧЕСТВО ТРЕХ ПОЭТОВ

РОСТОВ-на-ДОНУ. (От наш. корр.). На открытом партийном собрании ростовских писателей обсуждалось творчество поэтов Ашота Гарнакеряна, Анатолия Софронова и Вениамина Жага.

Лужная оценка была дана работе А. Гарнакеряна. Только что вышедшая книжка его стихов радует целеустремленностью автора, единой темой жизнеутверждения, глубокой поэтической раскрепощенности замечательной действительности. Поэт недавно возвратился из поэзии на Ленинградский канал, где был награжден почетной грамотой и ценными подарками за активное участие своим творчеством в строительстве.

Выступавшие в прениях отмечали поворот поэта А. Софронова к тематике Лорана. Некоторые его стихотворения в сборнике «Сторона Донска» («Ветряк», «Табунши», «Шелуго», «Буйволы») свидетельствуют о росте поэта; но сборник включает и слабые стихи, обнаруживающие несерьезное отношение автора к материалу.

Поэту В. Жаку, культурному, интересному литератору, мешает книжность, отрыв от действительности.

Поэты А. Гарнакерян, А. Софронов и В. Жак переведены из кандидатов в члены партии.

НА РОДИНЕ НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО

КЛЕВ. (От наш. корр.). На-днях Клев посетили мать и сестра Николая Островского, возвратившись из поездки в с. Вильно Островского района, Ровенской области, где родился и провел летские годы автор знаменитых книг «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурею».

Любительская Красная Армия, освободившая города и села Западной Украины от гнета польских панов, принесла долгожданное счастье и в родное село Николая Островского.

В беседе с нашим корреспондентом мать и сестра писателя Ольга Писовнова и Катерина Алексеевна Островские рассказали о радостных и трагических встречах со своими земляками, с друзьями и сверстниками Николая Островского. Они рассказали о зрелищных публичных, которым подвергались в панской Польше читатели романов «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурею» и об огромной популярности этих произведений теперь в западных областях Советской Украины, где трагичность с большой любовью чтут память мужественного писателя-бойца.

А. Н.

Львов

Подписка на заем среди писателей Львова достигла 65 тысяч руб. Академик Ступинский подписан на 6.000 руб., Валя Василевская — 3.000 руб., Тузор — 2.000, академик Шурат — 2.900, Шлектер — 1.400, Лужинский — 1.450. Подписка продолжается.

ТАШКЕНТ

Все без исключения писатели Узбекстана дружно подписались на новый заем, отдавая взаимны государства часть своих заработков. Писатель Иппен — на 3.000 рублей, Сабир Абдулла — на 1.000 рублей, Хамид Алянджан — на 1.000 рублей.

Среди прогрессивных болгарских писателей в последнее место занимает Гюнчо Белев.

«Тайное страдание» — его первая книга рассказов (1923 г.), первая серьезная попытка в области художественной прозы. В самом писателе и читателя она не удовлетворила. Автор «Тайного страдания» процарился со школой — школой символизма, в которой он воспитывался и вырос. Он еще не был настоящим мастером-реалистом. Это был только трамплин, толчок для дальнейшего развития его творческих сил.

Прошло еще десять лет. Гюнчо Белев упорно работал. За это время политические события в Болгарии толкали всех передовых, всех прогрессивных и честно мыслящих людей влево. Белев почувствовал свою кровную связь с трудящимися. Творческое вдохновение, которое не было доступно Белеву до этого момента, сразу обнаружилось. Писатель встретился, как от глубокой спячки. Последовали один за другим ряд подлинно реалистических произведений. В 1933 году он пишет рассказы «Филм и камения нгълазия», в 1936 г. — «Бенгет трещи», провинциальную хронику, которая вышла в двух изданиях, а в 1937 г. начинает большой роман в трех томах «Живота си тече». Первый том этого романа в двух частях — «След Игото» и «Пукнатина» — уже вышел.

Что представляет собой роман «Живота си тече» («А жизнь идет»)?

Центральная фигура романа, Денко Шопя, политический эмигрант, живший в Румынии, после освобождения Болгарии возвращается на родину. Он преподнесен самими светлыми надеждами, поселится в Осеновце и начинает работать. Но он думает не только о себе. Денко Шопя не забывает о бедности болгаров. Он прилагает все усилия к тому, чтобы была проложена железная дорога до Осеновца. Но вместе с новой железной дорогой вырастают и новые люди. Изменившиеся экономические условия создают почву для эксплуатации, для концентрации больших капиталовложений в одних руках. На смену выплывают предприимчивые, дерзкие предприниматели Таинов и Аметов. Быстро начинают расслоение. Честные патриоты и бедняки группируются вокруг Денко Шопя. Вся жизнь в Осеновце постепенно меняет свое лицо. Власть и благополучие — на стороне богатых. Частного кустика Денко Шопя преследует одно разочарование за другим. Он еще верит в человека, верит в его честность и в честное слово. Но деньги имеют свою мощь; даже такие матерые волки, как Таинов и Аметов, пожимают новыми, более опытными и предприимчивыми. Попасть о честности меняется на глазах у Денко, меняются и люди, и с каждым днем все больше и больше он теряет почву под собой, разоряется и гибнет. И, что самое важное, разоряют его те же самые люди, для которых он так много сделал, которым помогал.

Две части первого тома романа Белева воссоздают эпоху быстрого накопления капитала и разорение промышленных предприятий кустарей-одиночек. Обостряется классовый антагонизм. Разгорается политическая борьба. И на сцену уже выходят люди другого типа; они проповедают новые идеи. Это сыны разоренных, бедных патриотов и бедняков. Политические страсти разгораются. Революция 1905 года в России оказала свое влияние на демократическое слово болгарского народа, и революционные идеи находят самую благодатную почву в этой балканской стране.

Гюнчо Белев пишет просто, скупкими словами. И все же его люди живут. Это не схема. Картины болгарского быта, набросанные широкими мазками, дают яркое представление о нравах, характере населения и условиях жизни в Болгарии этого периода.

Прочитав эти две части «Живота си тече», читатель хочется скорее познакомиться с остальными.

Последняя книга Белева «Случай из жизни Минко Минина», написанная в прозаической форме, является первой частью романа «А жизнь идет» и остальными его частями, в художественном отношении лучше всего, написанного им до сих пор. В этом романе есть много общего с «Живота си тече», и хронологически они связаны. Хотя образ Денко Шопя (он выступает здесь под другим именем — как отец автора) и здесь повторяется, в сущности, это совершенно новое произведение. И эпоха осталась, и люди, среди которых рос и жил автор, те же самые. Но здесь и построение рассказов и юмор скорее напоминают «Мальчишка Мотля», чем «Живота си тече».

Тут описаны встреча графа Игнатиева в Болгарии и встречи с революционными представителями русского народа. Живой стиль, неповторимые образы и поступки действующих лиц делают эту книгу Гюнчо Белева первоклассным произведением болгарской литературы.

Следует отметить еще две другие книги Белева: рассказы «Другой мир» и путевые впечатления «За маслинено ключе в Париж».

Книга «Другой мир», изданная в 1940 г., представляет собой маленький сборник рассказов, частично (как «Плещет на рыцаря» и др.) написанных еще в 1913 г. В художественном отношении они далеки от «Пукнатина» и «След Игото». Некоторые из них, как «Семейство», «Бомеция» и другие, правда, написаны живо и интересно.

Путевые впечатления Г. Белева «За маслинено ключе в Париж» стоят в этом отношении гораздо выше. Автор, внимательно всматриваясь в новую, незнакомую ему жизнь, делает очень меткие замечания и сравнения. Без малейшей рывки они правдиво показывают как все замечательное, так и все чудовищное и мысли, которые вызывают в нем то или иное явление или встреча.

Гюнчо Белев — интересный писатель, от которого несомненно можно ожидать многого и который сыграет немалую роль в дальнейшем развитии болгарской прогрессивной литературы.

КРУМ КОЛЯВКОВ.

Записки капитана Ван Си

Когда Отто Лиленталь удивлял современников своим планером, даже когда Райт и Блерио совершали первые полеты, мало кто думал, что через десятилетия профессия авиатора станет такой же массовой, как специальность паровозного машиниста. Слишком это было неожиданно и необычайно.

Удивление, однако, долго длиться не может. Аэроплан перестал быть новинкой. Но массовость легкой профессии не помешала ей сохранять первоначальную романтичность. Не потому ли, что у сухопутого человека романтика всегда связана со стихией простора?

О летчиках стали писать с увлечением и с выгодой. На Западе и в Америке вспыхнула новая спекулятивная лихорадка, охватившая предпринимательских издателей. Появился детективный «воздушный» роман о приключениях отчаянных летчиков-рекордсменов.

По старой привычке, человек всякое средство превращения телат и делает оружием войны. Даже безобидный слон в древности играл роль античного танка. Аэроплан, воплотивший мечту о ковровом самолете, быстро нашел применение на полях сражений и, как можно заключить из последних событий, довольно широко. Появился военный летчик, а вслед за ним — литература о летящих воинах.

Все, что писали о летчиках, было взглядом со стороны, вернее, снизу вверх. Это редко удавалось хорошо. Герои сами стали писать о своем искусстве, о самих себе. Теперь уже можно собрать довольно значительную библиотечку дневников, заметок, записок и автобиографий летящих людей, в том числе военных летчиков. В большинстве это очень интересные книги. Независимо выпущена на русском языке небольшая книга капитана Ван Си — одна из многих в этой серии. Правда, литературная обработка перевода с китайской рукописи произведена далеко не блестяще, но при всем этом книга интересна.

Записки капитана Ван Си — это очерки о рождении военной авиации революционного Китая и первых ее боевых успехах. Автор — не писатель. Он участник и свидетель описываемых событий. Перо его бесхитро, почас наивно. Фраза угловата. Зато точна и ясна. Повествование часто прерывается отступлениями в историю страны, ее хозяйства и культуры. Автор привносит цифры и документы, выдержки из газет. Поможет то, что эти добавочные материалы несут позитивную справочную службу, расширяя представления о частных эпизодах и фактах, они превращают книгу в рассказ о борьбе великого китайского народа в целом.

Мы плохо знаем современную Китай и совсем плохо — его историю. Культура исчезнувшего Вавилона, древних Рима и Греции нам больше знакома, чем китайская культура, сохранившая непрерывность своего развития со времен далеких дней вавилонянина. Поэтому более тебольшое сведения, какие дают записки капитана Ван Си, — специалиста-синолога, конечно, удовлетворят они никак не могут. — для малообразованного читателя представляют интерес.

За несколько тысячелетий своей жизни китайский народ накопил необычайно много ценностей материальной и духовной культуры. Почти две с половиной тысячи лет назад он обладал уже такой драгоценностью, как собранная Конфуцием книга песен — Шин-цзин. Один из китайских императоров XV века захотел вызвать выдающиеся произведения литературы, философии, истории, науки и искусства Китая и вынужден был признать себя бедняком. Слишком мизерными были его богатства.

Капитан Ван Си. «Крылья Нитая». Гос. изд-во «Художественная литература». Серия «Красная звезда», 1940.

М. ГРОУ

НАСТРОЕНИЯ

Историки полнее улавливают картину настроений различных общественных групп Франции и Англии в летние месяцы 1940 года. Мы, современники, можем улавливать лишь отдельные характерные черты. Но и эти черточки представляют для нас живой интерес.

1. ЛИТЕРАТУРА ВИНОВАТА

Военные обозреватели ищут объяснения поражения Франции в военной сфере. Маршал Петэн заявляет, что причина поражения в том, что Франция «предавалась иллюзиям». Корреспонденты некоторых английских газет говорят, что французские власти слишком увлеклись охотой на коммунистов и прогнали истинные очаги опасности.

Французские литераторы заняты в этом вопросе особую позицию. Они полагают — о, конечно, не все, но все, только часть! — что в поражении Франции виновата литература.

«В течение месяца, — писал «Тан» от 6 июня, — ведутся атаки против литературы».

Один молодой поэт «ничего не желает слышать» ни о Верлене, ни о Малларме.

Эдмон Жалю внезапно пришел к убеждению, что французская литература с 1920 по 1940 год была индивидуалистической, неуважительно относилась к национальным авторитетам и учреждениям, не подготовила французам к войне, не укрепила в них волю к борьбе.

Сам Эдмон Жалю написал за этот период множество литературных обзоров. Для своих обзоров он в большинстве случаев брал книги, которые, по его мнению, были выдающимися произведениями. Теперь их тысячами выбрасывают эти книги в помойку.

Третий писатель об «являет» «нежелательными» Эсхила и Шекспира и обвиняет

литературы в сравнении с теми, что потребовались для издания двадцати трех тысяч рукописей, собранных только за три года двумя тысячами ученых. Десятки поколений на уст в уста передают изумительную «Историю трех царств», насчитывающую сто двадцать томов.

Записки свою землю, свою национальную независимость и единство, китайский парод защищает все, что он дал человечеству. Заповедники с Японских островов появляются на его земле не впервые. Три с половиной века назад японский феодал Хидэйоси грозил «как цыновку, унести Китай». Цыновка оказалась непосильно тяжелой. Хидэйоси потерял поражение в семилетней войне.

Шестого июня 1940 года исполнилась третья годовщина войны, называемой провокационным инцидентом в Люкюцзяо. Будущее превращает современным завоевателям судьбу Хидэйоси. Сила сопротивления китайского народа возрастает. И в этом немалая заслуга летчиков революционной армии.

Книга капитана Ван Си начинается описанием знаменитого боя 18 февраля 1938 г., когда привыкшие к безнаказанности воздушные пираты вместо допотопных «Хокков» и «Дугласов» встретили над Ханьюоу могучего противника. Победа молодой китайской авиации ввела существенную поправку в ход войны. Эпиграфом к первой главе автор взял народную поговорку: «Кто попадет на небо, тот победит бога». Революционный Китай поднялся на небо, чтобы сокрушить врага. Через пять дней, 23 февраля 1938 г., впервые за всю войну, атакующие китайских бомбардировщиков атаковали японцев на их территории. На острове Формоза был разрушен аэропорт. Японцы потеряли сорок самолетов и трехлетний запас горючего. А 20 мая того же года японские города Нагасаки, Фукуока, Саебо и другие были засыпаны листовками с реба. Над ними летали отважные пилоты Китайской республики. Это было больше, чем газетная сенсация.

Судно, закончив автор характеризует своих друзей — летчиков Тина и Чен Лу. Трагична судьба последнего. В одном из ожесточенных боев самолет Чен Лу вдруг начал делать мертвую петлю — фигуру, абсолютно неприемлемую в схватке. Наблюдатели за ним боевые соратники приняли это за омерзительную похабку веселого шута, пожелавшего пошутить со смертью. Велет за первой петлей — другая, третья, десятая... Самолет взмывает вверх, переворачивается и камнем падает вниз, чтобы снова повторить безумный трюк. Расстояние от земли быстро уменьшается. Наконец, на глазах у летчиков просматривается невероятное: самолет вышел у самой земли из пике, ударился брюхом о землю, прополз несколько метров, сломал штурвал, и остановился. В совершенно полной кабине сидел мертвый Чен Лу. Рука судорожно сжала ручку управления, ноги — на педалях. Самолет был нацелен на мертвую петлю.

Летчик-студент Тин собирает вырезки из газет, письма иностранцев. В них — сообщения о зверствах захватчиков, о насилиях над соотечественниками летчика. Тину притягивают эти документы на полях сражений, процесс на виновниках войны. Он убежден, что такой процесс будет. Он собирает улики по горячим следам. Свидетель вооружается, готовясь быть обвинителем.

Капитан Ван Си изобразил маленький кусочек жизни, какою живет сейчас великий народ, составляющий почти четверть населения земли. Пусть Ван Си стоил это немудрой рукой. Ему трудное держать перо, чем штурвал самолета, труднее иметь дело с чернилами, чем с газетной пулемета. В его книге нет экзотики, но в ней есть романтика народной борьбы. Такая романтика дороже нам словесной цветистости и яркого вымысла, какими часто богаты бывают книги о летчиках.

перед читателем за то, что он упоминает столь недостойные имена, «точно он совершил преступление против хорошего тона».

Андре Билли, тонкий критик, помещавший еженедельные обзоры новых книг в одной из наиболее крупных газет Франции, кается и сомневается — «не слышно ли мы любим нашу литературу».

Но наше дело записать французскую литературу от французских литераторов. Мы отмечаем настроения. Какую литературу пороят эти настроения, мы не беремся судить. Возможно, что литература 1940 года и последующих лет будет мало похожа на литературу 1920—1940 г. Возможно, что она будет совсем не такая, какую надеются увидеть авторы приведенных высказываний (если они знают, какую именно литературу они желали бы видеть). Мы только отмечаем характерную реакцию, вызванную событиями среди французских писателей и критиков.

2. ТОСНА ПО ХАРАКРИ

В Англии о литературной реакции пока не слышно. Там едва ли придет в голову жаловаться в том, что «мы слишком любим нашу литературу». Шенспиром приходится дорожить воле-неволей, тем более, что испорченный выражает положительное литературно аннексировать его.

Там в среде интеллигенции, издающей и читающей фантасматический еженедельник «Нью Стетмен ат» «нейшен», говорят о более зрелой реакции, об освобождении от иллюзий. Что есть фантасм? Его не легко определить. Он левее праного лево борется и правее левого лебориста. Впрочем, это и неважно. Нам интересуют настроения известной части интеллигенции, которые находят выражение на страницах еженедельника. 25 мая была напечатана интересная в этом отношении редакционная статья.

«В течение восьми месяцев мы жили легендами. Вместо того чтобы вести войну современным оружием и современной техникой, мы рассказывали друг другу истории о прошлых триумфах и старались воссоздать воображаемый мир про-

Картина художника Жо Пэона.

Московские музеи располагают ценнейшими собраниями китайской древней и современной живописи, лаков, фарфора, керамики и др. За 22 года после Великой Октябрьской революции Москва увеличила количество своих музейных экспонатов по Китаю в несколько десятков раз. Некоторые картины и керамические изделия являются уникальными и представляют величайшую художественную ценность.

Крупнейшим собранием произведений китайского искусства обладает московский Музей восточных культур, возникший на основе созданного в 1918 г. музея «Арс Азиатика» (Искусство Азии). Китайский отдел музея насчитывает в экспозиционных залах и запасных фондах около 300 произведений китайской живописи. Среди них — шесть свитков на шелку — горизонтальные свитки (шю-пань вань), которые обыкновенно в Китае лежат у писателей искусства на специальных столах, и вертикальные свитки (шо-фу), которые размещаются в домах китайцев на стенах в особо торжественные дни.

Одним из замечательных образцов этого жанра китайской тематики является 35-метровый свиток «История карьеры одного чиновника» художника XVII века Ван Цяня, «копированный» свиток на выстывающей китайской живописи.

В музее есть также несколько картин художников эпохи Тан (VIII век нашей эры), в частности — жанровый портрет Чжоу Фана «Ян Гуи-фань после купанья», изображающий знаменитую китайскую куртизанку, соперницу старого императора. Эпоха Сун (XII век) представлена в музее среди других произведений замечательной картиной Хань Чэня «Играющие дети».

Особенно ценно собрание портретов эпохи Мин (XIV—XVII вв.). И художники и портретируемые лица — бесценны. Эти картины по праву занимают одно из самых выдающихся мест в мировой портретной живописи.

В собрании китайского фарфора (XVI—XIX вв.) и керамики (X—XII вв.) следует отметить вазу сунской эпохи, относящуюся к X веку, блюда, чаши, изготовленные самыми разнообразными техническими приемами, секрет которых сейчас уже утерян.

Современная живопись Китая представляет пять картин на шелку крупнейшего китайского мастера, живописца Жо Пэона (Сюй Бэй-хун), произведения которого чрезвычайно высоко ценятся не только в Китае, но и в Европе и Америке. В свое бытность в Москве в 1934 году Жо Пэон подарил некоторые свои работы И. В. Грабарю и Курдюмкинскому.

Картинами «Бурюль», «Орел», «Краса» и другими представлено в музее творчество умершего в 1938 году художника Ци Вэй-ши, мастера жанра хуа-яно-хуа (живопись цветов и птиц).

Исторический музей богат многочисленными китайскими экспонатами, собранными в прошлом веке и в последние годы. Музей керамики в Кускове обладает хорошим собранием китайского фарфора XVI—XVII вв.

В Загорском историческом музее среди других экспонатов есть уникальный китайский болелен «Кэ-сы», который служил покровом для постели митрополита Платона, получившего его в подарок от российской православной духовной миссии в Пекине в конце прошлого века.

Ц. П.

ЧЕТЫРЕ НОМЕРА «ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

С. ГРИГОРЬЕВ

Центральное место в вышедших четырех номерах «Интернациональной литературы» занимает «Грозный гнев» Стейнбека. В повести зарисован один из важнейших процессов захватывающего капитализма — процесс обезземливания американских фермеров. В XVI веке в Англии лендлорды захватывали общинные земли, превращая их в пастбища для овец, и выселяли крестьян, превращая их в нищих бродяг. Иные были, но выражение одного историка, «характерный злом Англии» того времени. В XX веке банковый капитал захватывает земли фермеров США и превращает американских крестьян в нищих бродяг. Голодные фермерские семьи коцуют по всей стране в поисках работы. Вместе с голодными безработными в городах они стали характерным злом Америки наших дней. Но на заре капитализма английские фермеры могли эмигрировать в Америку. Американским фермерам некуда эмигрировать, и гнев, который зреет в их сердцах, может найти выход только здесь же, в Америке.

Банковский трактор прямой борозды прошел по земле Джоуды и, согласно инструкции, задел и спес его дом: выматывайся, ты задолжал банку, ты больше не фермер, ты бездомный, ты нищий, ты бродяга.

Крепкий собственник, глубокий индивидуалист, «семь поколений американец», опора американского капитализма, Джоуды хватается за ружье, он готов биться на смерть за свой клочок земли. Но он не знает, кого убить, в кого стрелять, кто враг, кто виновник его разорения. Трактор? Но он только выполняет приказ агента, он хочет кушать, всех голодных трактористов не перестреляешь. И всех голодных агентов не перестреляешь. Даже больше всего выматывает приказ каких-то других агентов, целой ассоциации банкиров. Джоуду не может найти конец в этой цепи. Виновник его разорения безличен. Джоуд, как сотни тысяч других фермеров, покорежен своей участью.

И подобно сотням тысяч других фермеров Джоуд покупает «примус на колесах» — Дождь 1925 года, грузит на него скраб и семью и по великодушному фо-

деральной дороге № 66 отправляется в Калифорнию, сказочную страну света, изобилия, счастья.

Калифорния — это символ страшного по своей живости мифа об «американском богатстве», мифа, давно развенчанного экономистами, но продолжающего огулывать массы легкомысленных людей. Джоуды поверил листовкам калифорнийских вербовщиков рабочей силы. В желтых и оранжевых листовках Калифорния изображена земным раем. Джоуды свято верит печатному слову. Единственное печатное произведение, с которым они знакомы, это Библия. Вербовщики из Калифорнии они не перят, кля пошам. Но те и другие одинаково обманывают их.

Далеко ли до Калифорнии? Неизвестно. Горюль, две тысячи миль. Слышал ли когда-нибудь Джоуду про порок в чудесной стране Калифорнии? Нет. Он никогда не выезжал дальше соседнего городка. Крутоверз Джоуды ограничивался его полем. Он так мало знает Америку и в нем так мало того, что мы связываем с представлением об американизме, что его можно принять за иммигранта, а не за прирожденного американца.

Не больше американизма и в молодежи Джоудов. Э — отличный механик. Мечта его жизни — разорвать и снова собрать шестнадцатипятидюймовый калливал. Почему больше американская культура, печать, радио, кино, школа его не научили.

Только Том, старший сын, побывавший в тюрьме за убийство, набрался некоторых знаний о действительной Америке. Тюремю кое-чему его научила, сделала его хорошим механиком, расширила его кругозор, приучила внимательно относиться к жизни, наблюдать и размышлять.

Люди Стейнбека живут вне культуры. Великая многообразная американская культура до них не дошла, о них забыла. И когда жизнь меняется, бьет, заставляет кричать и думать, о куске хлеба, они беспомощны, как дети. Только мать проявляет кипучую деятельность.

Американцы «всят на радио». Бесчисленное множество американцев делает все возможное, чтобы всегда быть вблизи радио. Они стали «рабами радио». Ныне ходят в рестораны, даже в гости с портированным радиопримусом на ремне, на маленьком киноаппарате в кожаном футляре, и всегда слушают, всегда жално ждут новых радиосообщений. Радиокорреспонденты новостей стали молвыми фигурами. У каждого свои поклонники, о них спорят, судят их достоинства и недостатки.

В Америке дюжина радиовещательных компаний. Они делают собою конкурентов, по все подлежат строгому контролю и в сообщениях соблюдают корректный тон. Конкурируют между собою также радиореклама и радиопозвоны. Раньше американцы охотно слушали обстоятельную, рассчитанную «на психологию», рекламу по радио. Теперь она превратилась. Она задерживает передачу новостей. Слишком длинный рассказ о небыловых качествах патентованной ситары вызывает протест.

По американские настроения имеют определенную окраску. По словам корреспондента германской газеты, американцы в большинстве по естественным причинам симпатизируют союзникам (союзникам очевидно, бывшим), точнее, англичанам. Настроения меняются, как облитая, и мы потому отмечаем, что так было в юные. Раньше, говорит он, американцы в беседах с немцами старались не касаться войны и политики. Теперь, особенно в небольших городах, корректность уступает место «демонстративной холодности, выражающейся очень мягко».

3. РАБЫ РАДИО

Вопреки утверждению сенатора Джонсона о том, что «сердца американцев там, где их слышат, Нью-Йоркский корреспондент «Дейче альеймтеейе петитунг» велико замечает, что «американец не раб доллара, и даже когда он усердно гоноится за долларом, он все же остается чувствительным существом». Американец полагает событиями в Европе, так как если бы они происходили в Америке.

Более озабоченные, как проповедник Кейси, как Том, стараются своим умом дойти до правильных решений. Стейнбек сознательно выключил из своей американской панорамы — а его повесть — это панорама фермерской Америки, — людей, которые уже давно дошли до правильных решений и посвятили свою жизнь и деятельность тому, чтобы кое-чему научить своих соотечественников. Быть может, с точки зрения его художественного замысла это правильно, но это непорочно, это — нарушение требований поэтического реализма. Эти люди в Америке существуют. Невероятно, чтобы среди сотен тысяч бедствующих фермеров не нашлось никого, кто встретился бы в жизни с такими людьми. Атмосфера, которую рисует Стейнбек, сама рождает решения. Не может быть, чтобы не нашлось более сильных организаторов, чем Кейси.

Мощь нарисованной Стейнбеком картины требует более глубоких обобщений и мысли, более сильных слов. И более сильных характеров. Среди рядового американского крестьянства, вне сомнения, есть люди и большого ума, и большого темперамента, и больших способностей. Мы не сомневаемся в этом. И мы ни в коем случае не можем поверить, что никого лучше Кейси и Тома автор не мог найти. Мы меньше всего требуем художественной агики. Но и примитив нас не удовлетворяет.

Но на лет и судя нет. Картина не закончена, но сильна. В повести есть страстная огромная художественная сила. И впечатлительное, оно производит, настолько сильно, что эта повесть говорит об аграрном кризисе в США гораздо больше, чем сотни экономических исследований. Такова сила таланта. Все, что рассказывал Стейнбек, было известно из статистики. И все же он пошел «открыл» Америку.

Во втором номере «Интернациональной литературы» напечатан «Зеленый остров» Джима Фелана. Эпизоды борьбы за независимость Ирландии изображены приемами приключенческого романа, и это сделано удачно; но слишком сильный по литературному мастерству рассказ читается с увлечением. Нить, вокруг которой развешиваются события, это поиски прокатора, поэта О. Киллала, предавшего ирландских заговорщиков английским угнетателям. Интерес «Зеленого острова», однако, не в этом, а в хорошем изображении методов, применявшихся ирландскими националистами в борьбе за освобождение. Переход от борьбы против англичан к классовой борьбе внутри ирландского освободительного движения сделан слишком резко, но верно. Ирландская буржуазия, веда борьбу за независимость Ирландии, в то же время бьет ирландского пролетариата и малоземельного крестьянства и ищет компромисса с англичанами для полагания революционных классов. Это сегодня остается столь же важной чертой политики ирландской буржуазии, как и в 1923 году. Но за последние пятнадцать лет революционная классовая борьба сделала большие успехи, борьба в Ирландии разгорается с новой силой.

В 3-4 номере приятно читать «Волшебную балочницу» Фетерико Гарсиа Лорка. «Жестокый фарс» в двух актах.

Историко-литературный отдел четырех номеров весьма обширен. Дневник Байрона по явному недоразумению оставался до сих пор непереизданным. Но в приложении, которыми редакция снабдила дневники, получено много любопытностей. Подковник Степхан не был военным организатором греческого восстания. Байрон его презирал. В тексте приведено письмо Мэри Шелли и не пояснено, что в письме речь идет о том, что греки просят разрешения похоронить в Греции сердце Байрона.

Есть неточности и в приложениях к письмам Мериче. «Журнал де саван» назван «газетой ученых», на самом деле это был журнал. Кстати сказать, он в нынешнем году закрывается, просуществовав почти 300 лет. Сент-Бев назван Сент-Бевом. Злопамятный выход журнала привел в тому, что обширный материал, посвященный 70-летию со дня рождения В. И. Ленина, 5-го июня в Д. М. Мологова, 10-го июня со дня смерти В. В. Маяковского, 100-летию со дня рождения Эмиля Золя, помещен в одной книге — двойном номере 3-4. Задержка с выходом в свет отбрасывается и на богатом отделе репортажа и хроник. Интересных материалов много. Актуальность теряется.

Правда или вымысел?

Случай довольно забавный, с какой бы стороны на него ни взглянуть.

В печати обсуждается проблема биографического жанра — древнейшего и благороднейшего из литературных жанров. Этот жанр за последние десятилетия чрезвычайно развился и у нас и в буржуазной Европе. Порою можно было даже опасаться, что он оттеснит на задний план или соберется отбросить все остальные виды художественной литературы, как это давно уже предсказывал Лев Толстой.

В самом понятии «биография», в «делности» ее текста, в неразрывности ее связей с историей скрывается непреодолимый соблазн для ученого, писателя и читателя эпохи великих войн и революций. Какие люди потянулись нынче к этому жанру! Художники слова и не стану перечислять, их слишком много, они у всех на виду — от Абри Барбюса, Р. Роллана и Ст. Дрейфа до В. Шкловского, Г. Штерна и Н. Тынянова. Оказалось, что ученые ищут в этом жанре не хуже, а порою и лучше художников слова. Вот психиатры и психологи Бина, Мейбус, Морган, Фрейд и др. вот талантливый создатель совсем новой разновидности биографии, микробиолог П. де Крюй, вот историк, как Е. Тарле, географ, археолог, антрополог...

Знание это не только исключительно интересное, но и радостное, как в стадии творческого процесса, так и по результатам этого процесса, по общественному эффекту. Пределы жанра расширились, систематика и теория его нуждаются в коренном пересмотре. Судите сами: что общего между романтическим жизнеописанием Бетховена или Микель-Анджело, Р. Роллана, «Охотниками за микробами» П. де Крюй, «Наполеоном» Е. Тарле, «Лодьюмом» Я. Вассермана или В. Баскова и А. Аналитическими трудами Мейбуса о Руссо и Гете и Биша об Эдмонде Гонкуре или Дюма-сыне? Разные методы, абсолютно несхожие критерии, сдвиги стилей, считавшихся доселе несочетаемыми...

Но намерен письма ученых приближается к манере художников, и стремление у всех одно: познание человека и его творчества. Да, познание, без которого так легко обходились иные сочинители жизнеописаний. Прежде чем устанавливать законы жанра, надо бы изучить его движение, инвентаризировать его явления, дать хотя бы условную их систематику. Без этой, в конце концов не слишком сложной, работы нам не сыскать ни концов, ни начал.

Вот в какую историческую минуту началось обсуждение в печати проблемы биографического жанра, и не забавно ли: обобщающе его не сочинил ни один из исследователей, а в литературе столь разрозненных элементов. Пределы дискуссии сужены до минимума, как будто предметом ее должны быть лишь только биографический роман или повесть.

Каких же сторон вопроса коснулись, чего потребовали для себя застрельщики этой дискуссии т.т. С. Мстиславский и М. Левинзон? Первый добивается «справ на вымысел», второй — права трактовать «реально жившего человека» как «человека, сделанного созданным художником». Что ж, право на «вымысел» всегда было и остается перипетией привлекательнейшего писателя. Но стоило ли с этого именно «справ» начинать разговор о биографическом жанре при столь сложном для художников обстоятельстве? Эта поспешная декларация может вызвать у смущенной и большинства из товарищей по перу, стремящихся разрешить небывало трудную задачу — восстановления событий минувшей жизни во всей их полноте и благоуханности. Ведь гораздо более существенны элементы биографических произведений до сих пор ускользают от внимания исследователей. Так, например, В. Шкловский отмечает в своей статье «Судьба и счастье», что эпоха и ее мировоззрение решительным образом отразились на эпиграфах биографий:

«Детская литература», № 3, за 1940 г.

«Кому ты, Гете, и утверждал, что «к чему существовать на свете поэт, если он ограничится повторением того, что сказал историк», — однако на деле Гете, прежде чем отдаться поэтическому началу, обрабатывал свою тему как историк, как терпеливый «спытатель естества», равнодушный к «справу на вымысел».

Гете, кто и утверждал, что «к чему существовать на свете поэт, если он ограничится повторением того, что сказал историк», — однако на деле Гете, прежде чем отдаться поэтическому началу, обрабатывал свою тему как историк, как терпеливый «спытатель естества», равнодушный к «справу на вымысел».

Гете, кто и утверждал, что «к чему существовать на свете поэт, если он ограничится повторением того, что сказал историк», — однако на деле Гете, прежде чем отдаться поэтическому началу, обрабатывал свою тему как историк, как терпеливый «спытатель естества», равнодушный к «справу на вымысел».

Гете, кто и утверждал, что «к чему существовать на свете поэт, если он ограничится повторением того, что сказал историк», — однако на деле Гете, прежде чем отдаться поэтическому началу, обрабатывал свою тему как историк, как терпеливый «спытатель естества», равнодушный к «справу на вымысел».

Гете, кто и утверждал, что «к чему существовать на свете поэт, если он ограничится повторением того, что сказал историк», — однако на деле Гете, прежде чем отдаться поэтическому началу, обрабатывал свою тему как историк, как терпеливый «спытатель естества», равнодушный к «справу на вымысел».

Гете, кто и утверждал, что «к чему существовать на свете поэт, если он ограничится повторением того, что сказал историк», — однако на деле Гете, прежде чем отдаться поэтическому началу, обрабатывал свою тему как историк, как терпеливый «спытатель естества», равнодушный к «справу на вымысел».

Гете, кто и утверждал, что «к чему существовать на свете поэт, если он ограничится повторением того, что сказал историк», — однако на деле Гете, прежде чем отдаться поэтическому началу, обрабатывал свою тему как историк, как терпеливый «спытатель естества», равнодушный к «справу на вымысел».

Гете, кто и утверждал, что «к чему существовать на свете поэт, если он ограничится повторением того, что сказал историк», — однако на деле Гете, прежде чем отдаться поэтическому началу, обрабатывал свою тему как историк, как терпеливый «спытатель естества», равнодушный к «справу на вымысел».

Гете, кто и утверждал, что «к чему существовать на свете поэт, если он ограничится повторением того, что сказал историк», — однако на деле Гете, прежде чем отдаться поэтическому началу, обрабатывал свою тему как историк, как терпеливый «спытатель естества», равнодушный к «справу на вымысел».

Наследство Раффи

Х. АДЖЕМЯН

Иллюстрации художников И. Костылева и Г. Петрова к книге «Песни степей» (Антология казахской литературы).

Раффи по праву занимает видное место среди классиков армянской литературы. Крупнейший писатель-романтик второй половины XIX века, он стал необычайно популярным среди читателей масс сейчас же после выхода в свет его первой повести «Джалаледдин», рисовавшей изображение национально-освободительного движения угнетенных турецким деспотизмом армянских народных масс.

Литературная судьба Раффи исполнена превратностей. Та же самая армянская буржуазия, которая трепетала при жизни писателя, после его смерти устроила ему торжественный апофеоз. Ритуал его похорон, по отзывам современников, отличался царской пышностью.

Но если со стороны армянской буржуазии это был запоздалый лицемерный жест признания, то в народных массах создавался действительно культ Раффи. В последние десятилетия прошлого века его популярность росла с беспримерной быстротой. Романы Раффи много раз переиздавались и распространялись по всему миру, где только имелись грамотные армяне. Интерес к романам Раффи среди читателей был гораздо шире печатных возможностей, и они распространялись также в рукописных списках.

Имя Раффи нагло пытались использовать националистические элементы Армении, спекулируя на его громадном авторитете среди народных масс. Однако обман этот не мог устоять уже потому, что творчество писателя пробуждало в читателе чувства, как раз противоположные тем, к которым звали националистические элементы, а именно чувства горячей любви к родине и протеста против насилия и империалистического гнета.

А. Фадеев в своей статье, помещенной в «Правде» (см. № 105, 1939 г.), убедительно показал познавательно-художественную ценность литературного наследства Раффи, и пора поставить вопрос о переиздании его сочинений.

Что же представляет собой литературное наследство Раффи?

Первая повесть Раффи «Джалаледдин» явилась откликом на русско-турецкую войну 1877—78 гг. В повести на фоне русско-турецкой войны описываются погромы, совершавшиеся курдскими племенами во главе с шейхом Джалаледдином над турецкими армянами. Спускаясь с гор, курды, как саранча, опустошали цветущие долины армянских деревень, грабили, жгли и убивали население без различия пола и возраста. Описывая кошмарные подробности этих зверских расправ, Раффи вместе с тем рисует образы героев, выступающих в защиту народных масс пионерами освободительной войны против турецкого абсолютизма. Герой повести Саргис решается на отчаянную схватку. С небольшой кучкой своих сторонников он нападает на лагерь Джалаледдина и освобождает множество пленных армянок. Но в след за тем сам погибает от полученных в бою тяжелых ран.

В повести «Джалаледдин» впервые звучал лейтмотив творчества Раффи — его призыв к объединению армянских патриотов для вооруженного сопротивления турецким насильникам.

«Джалаледдин» хотя и читается с неслабым интересом, но в художественном отношении это наиболее слабое произведение Раффи. Слишком много в нем публицистических рассуждений, разжижающих художественную ткань повести. С натуралистической расточительностью в ней даны сцены зверств и погромов, совершавшихся курдами, что также снижает художественный уровень романа.

Повесть «Джалаледдин» — не более, как подготовительный этап для следующего блестящего романа Раффи «Хент» («Безумец»). Этот роман изображает на том же фоне русско-турецкой войны преемника Саргиса — Вардана. Приключившись безумцем, этот решительный и отважный патриот проходит через кортены турецких войск, осваиваясь жизнью

«Джалаледдин» хотя и читается с неслабым интересом, но в художественном отношении это наиболее слабое произведение Раффи. Слишком много в нем публицистических рассуждений, разжижающих художественную ткань повести. С натуралистической расточительностью в ней даны сцены зверств и погромов, совершавшихся курдами, что также снижает художественный уровень романа.

«Джалаледдин» хотя и читается с неслабым интересом, но в художественном отношении это наиболее слабое произведение Раффи. Слишком много в нем публицистических рассуждений, разжижающих художественную ткань повести. С натуралистической расточительностью в ней даны сцены зверств и погромов, совершавшихся курдами, что также снижает художественный уровень романа.

«Джалаледдин» хотя и читается с неслабым интересом, но в художественном отношении это наиболее слабое произведение Раффи. Слишком много в нем публицистических рассуждений, разжижающих художественную ткань повести. С натуралистической расточительностью в ней даны сцены зверств и погромов, совершавшихся курдами, что также снижает художественный уровень романа.

«Джалаледдин» хотя и читается с неслабым интересом, но в художественном отношении это наиболее слабое произведение Раффи. Слишком много в нем публицистических рассуждений, разжижающих художественную ткань повести. С натуралистической расточительностью в ней даны сцены зверств и погромов, совершавшихся курдами, что также снижает художественный уровень романа.

«Джалаледдин» хотя и читается с неслабым интересом, но в художественном отношении это наиболее слабое произведение Раффи. Слишком много в нем публицистических рассуждений, разжижающих художественную ткань повести. С натуралистической расточительностью в ней даны сцены зверств и погромов, совершавшихся курдами, что также снижает художественный уровень романа.

«Джалаледдин» хотя и читается с неслабым интересом, но в художественном отношении это наиболее слабое произведение Раффи. Слишком много в нем публицистических рассуждений, разжижающих художественную ткань повести. С натуралистической расточительностью в ней даны сцены зверств и погромов, совершавшихся курдами, что также снижает художественный уровень романа.

«Джалаледдин» хотя и читается с неслабым интересом, но в художественном отношении это наиболее слабое произведение Раффи. Слишком много в нем публицистических рассуждений, разжижающих художественную ткань повести. С натуралистической расточительностью в ней даны сцены зверств и погромов, совершавшихся курдами, что также снижает художественный уровень романа.

Баязет, и доставляет важное воспомогательное русскому командованию. Вели читателя по следам Вардана, Раффи открывает перед ним бездонный красивый мир армянского народа, с его патриархальным укладом, обычаями, радостями и печалью. Но над этим миром висит дамоклов меч курдских нашествий. Вернувшись к себе, Вардан ищет свою возлюбленную Лала, но находит лишь ее могилу среди тысяч могил других жертв армянской революции. Вардан долго скорбит у могилы возлюбленной. Засыпая, он видит вещий сон, в котором ему открывается будущая свободная Армения. Раффи в этот сон вложил все свои национально-освободительные мечты. Он изображает Армению свободной от иноземного гнета, вступившей на путь широкого развития, приводящего к невиданному подъему техники и культуры, расцвету города и деревни. Роман «Хент» изображает более развитую фазу национально-освободительной борьбы армянских народных масс против Турции, чем повесть «Джалаледдин». Герои ее более реалистичны и жизнеспособны. Наряду с практиком освободительной борьбы Варданом в романе выделен и теоретик этой борьбы Дудукчан, закладывающий видные основы дела «освобождения» Армении. Ярво Нарисован в романе портрет армянина Томаса афеци, предателя народных интересов, ставшего турецким пайлитом. Художественная сила Раффи в этом произведении достигла замечательной выразительности и совершенства. Он значительно обогатил также армянский язык. «Хент» безусловно заслуживает внимания советского читателя и должен быть переиздан.

Иначе приходится относиться к другому роману Раффи — «Кайнер» («Скряк»). Это — трилогия, являющаяся романтическим оромее группой армянских деятелей, стремящихся к освобождению своей родины. Однако действующие лица романа оторваны от родной почвы и народа и все свои надежды возлагают не на него, а на так называемую цивилизованную (читай: капиталистическую) Европу. Лучшей главой этой громадной трилогии являются страницы главы «Школа отца Тоника», в которой Раффи высмеивает «просветительские» армянского духа. Эти замечательные страницы нужно издать отдельно как прекрасный антилерикальный памфлет.

Национально-освободительной борьбе армянского народа посвящены также исторические романы Раффи, в которых он с изумительным искусством оживляет политические обстановку средневековой жизни, быт и обычай феодальной Армении. Важнейшие из этих исторических романов — «Самвел» и «Давид-бек». Первый из них рисует борьбу армянского народа против персидского владычества в V веке. Против этого владычества выступают также герои второго из упомянутых истори-

ческих романов Раффи — Давид-бек. С помощью Грузии Давид начинает в XVII веке отважную и победоносную войну за освобождение северных районов Армении — Карабах и Сюника. Оба романа содержат огромный историко-познавательный материал и заслуживают быть изданными и на русском языке.

«Раффи, крупнейшему романтику армянской буржуазии прошлого века, действительно присущи были националистические взгляды, но он подвергал критике феодальные пережитки и был великолепным мастером слова».

Эти слова тов. Фадеева правильно характеризуют, однако, только одну сторону литературного наследства Раффи. Стоит ознакомиться с Раффи-биографистом, как нельзя уже будет согласиться с безусловным определением его как писателя армянской буржуазии. В самом деле, Раффи выступал не только как гласная национально-освободительных идей, притом не всегда в прогрессивном их выражении, но и как правдивый биографический трудный словес народ, как выразитель их протеста против эксплуатации и социального неравенства. Многочисленные романы, повести и рассказы этой категории творчества Раффи раскрывают перед читателем мрачную картину царства феодалов, буржуазного разврата, господства золота и тяжкую долю демократических слоев народа. Лучше всего охарактеризовал эту сторону своего творчества сам Раффи.

«До нас, — писал он, — ни один писатель не обратил внимания на класс людей, который угнетает свои жертвы и, подобно неясному туману, соет их кровь. Это класс эксплуататоров — купцов и ростовщиков, который блеском золота покрывает себе почет. Мы сорвали с них эту золотую маску, мы показали их уродство, написав: «Золотой петух», «Обреченная», «Моахшина».

Но нас ни один писатель не обратил внимания на положение персидских армян. Мы дали картину их незавидной участи, написав «Лодью», «Несчастная Рипсиме», «Десятиная земля» и проч.»

Таков далеко не полный перечень произведений Раффи, проникнутых подлинным гуманизмом, горячим сочувствием к угнетенным классам и ненавистью к богачам, ростовщикам и купцам. Сам Раффи призывал этим своим произведением исключительно большое значение, по буржуазной критике и печати после его смерти предали забвению эту важнейшую и неотъемлемую часть его литературного наследства. Обогатить же все лучшее произведений и сделать их достоянием народов СССР — задача очень важная, ибо много можно почерпнуть у Раффи — гуманиста, выразителя национально-освободительных идей армянского народа.

Совещание начинающих писателей Узбекистана

ТАШКЕНТ. (От наш. корр.). В Ташкенте состоялось совещание начинающих писателей, созданное союзом писателей Узбекистана. На совещании присутствовали писательская молодежь Ташкента и Самарканда. С докладом о творчестве начинающих выступил поэт Амин Умар.

Среди узбекской молодежи, пробующей свои силы в литературе, много товарищей, уже систематически печатающихся и известных читателю. Маргуд Хакимов выпустил уже сборник рассказов «Соня и Ян», отдельным изданием выпущен рассказ Н. Максудина «Человек, потерявший ребенка», ряд рассказов в журнале Узбекистана напечатаны Мадами Ибрагимов, Гафурджан Расулзев.

Среди молодых поэтов выделяются самаркандцы — Асхад Мухтаров, Саид Назаров, серьезно изучающий классиков русской и узбекской литературы, написавший ряд стихов — посвящая своим литературным учителям. Поэт Хамит Гулям, студент Педагогического института, выступает в печати систематически не только со стихами оригинальными, но и с переводами из Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Критика единогласно отмечает широкий кругозор, глубину и художественную убедительность его стихов.

Начинающие писатели говорили о литературной учебе, о своей работе, читали последние произведения.

Совещание дало возможность писательской молодежи Узбекистана ознакомиться друг с другом, обсудить вопросы литературного роста и поднять дух соревнования, чувство ответственности за свою работу.

И. ВИЛЕНСКИЙ

Эстонские романы 1939 года

В 1939 году в Эстонии вышло около 30 романов. Значительная часть принадлежит перу молодых, начинающих писателей, участников войны на лучшей роман, ежегодно проводимого издательством «Лодью» («Природа»).

Из этих произведений эстонская критика считает лучшим «Новый чорт» А. Таммсааре, «Огонь под пеплом» М. Метсанурка и «Камень на камне» П. Селгера.

Роман Таммсааре характеризуется смешением реального и фантастического. Главными действующими лицами романа являются излюбленные герои эстонской народной сказки — чорт и хитрый Антс. Хитрый Антс представляет зажиточным хозяином, кулак, жестоким, проницательным эксплуататором, а чорт — простодушным, забитым батраком.

Роман Таммсааре проникнут пессимистическим отношением к цивилизации и культуре, при которой возможна и неизбежна эксплуатация слабого сильным.

«Огонь под пеплом» — новый исторический роман М. Метсанурка, действие которого относится к концу XVII века, в частности, к годам «редкого голода» в Эстонии (1695—1697 гг.).

Изображая борьбу крестьян с помещиками и с голодом, Метсанурка подчеркивает один из главных черт эстонского народа — упорство, способность к длительному сопротивлению.

Содержанием романа П. Селгера является столкновение молодого, получившего европейское образование архитектора с мещанско-завлажной средой маленького провинциального города.

Д. ДАНИН НАЧАЛО ПУТИ

В коротких рецензиях, в «борных» статьях о Мих. Матушевском уже было сказано немало дурных слов, но и несколько хороших, правда, ничего не выходящих за пределы обычной похвалы. Тут уже можно познакомиться с Матушевским как с человеком, а не с именем, и очень мало для вторых.

Говорить о молодом поэте, пожалуй, сложнее и ответственней, чем о поэте уже зрелом, вполне сформировавшемся. В самом деле: вот поэт в начале своего пути, он еще, в сущности, не жил; непосредственное знание мира и человека, которое придает искусству, ему еще почти неизвестно. Но как ни мал его опыт жизни и размышлений, он все же существует, душа его не мучает; ведь была в его жизни книга, рассказы старших, повесть революционной и войн, ставшие историей семьи и рода; все это в представлении самого поэта придавало значительность и серьезность тому немногому, что пережили он сам; все это стало основой и первым источником его поэзии; своеобразное поэтическое видение мира только еще формируется; по творчеству не терпит отлагательства, и жизнь уже входит в стихи молодого поэта, хотя очень часто она видна только «чужими глазами», узнаваешь лишь понаслышке и поняв лишь с помощью басенной мудрости литературных шаблонов. В этом нет никакой беды, потому что вне творчества поэтическое своеобразие не сформировалось.

Все это очевидно, но все это незаметно хочется сказать в связи с книжкой Мих. Матушевского «Моя родословная». И, конечно, сразу возникает вопрос: «А есть ли в этой книге повод для того, чтобы говорить о своеобразии, и если есть, то в чем оно заключается?»

Эта книга живет отдельными стихами, и невозможно нарисовать себе цельный и индивидуальный образ поэта, ее написавшего, если стараться объединить в этом образе все напечатанное в ней.

Мих. Матушевский, «Моя родословная», «Советский писатель», Москва, 1940.

Литературная газета № 38

В книге три раздела: «Моя родословная», «Мальчишка» и «Портреты». Наиболее интересен, потому что наиболее индивидуален, первый цикл.

У Матушевского было иное детство, иная по складу семья, иные внешние привязанности и пристрастия, чем сейчас. У его сверстников — Алигер, Долганов, Коваленко, Симонян, о которых мы несколько лет тому назад описали (и, кажется, впервые) в сборнике «Молодая Москва». В отличие от этих поэтов, детство и семья стали для Матушевского темой. Эта тема связалась с темой гражданской войны и с темой «роковых негатов», родного края (Доббаса).

Казалось бы, все это простор для поэзии необычайной. Матушевскому он еще не открылся. Слов три эти темы в одну, полюбив их как нечто цельное, неразрывное, Матушевский очень тонко и многообразно определил это единство, назвав цикл «Моя родословная».

Обещания он не выполнял. Стихи этого цикла, в подавляющей большинстве, держатся лишь на сюжете, порою ставило надлежным, как в «Чубчике» и в «Семейном альбоме», но чаще вполне банальном, как в «Случае с фотографом», в «Братской могиле», в «Дуде», в «Лугачанине». Даже в самых удачных случаях эти сюжеты выражают только триггерные мысли и самые общие чувства, служат только вложением событий, иллюстрирующих (и не больше!) самые бесспорные, но вместе с тем и самые перенятые на все лады истины: о смысле гражданской войны, о контрасте прошлого и настоящего, о судьбе бедняка, о героизме партизан и т. д. и т. п.

Подтекст этих сюжетных стихов так ординарен, настолько лишен индивидуальности черт, что если бы они были главными в первой книге Матушевского, о ней вовсе не стоило бы говорить.

Есть в этом цикле еще несколько «карикуров» и одно хорошее стихотворение «Творчество», помещенное в этот раздел случайно. Но эти зарисовки или очень несамостоятельны, как «Алчевская ночь» и «Старая газета», или очень бледны и невыразительно написаны, как «Доббаса». Таким образом, единая тема детства (принятая еще на первые годы революционной) семьи и родного края не только не исчерпана поэтом, но едва затронута. Индивидуальное в этой теме проявилось пока лишь в бытовых и неважных деталях изображения, но это индивидуальное еще не принадлежит поэтической мысли Матушевского.

Поэт становится живой душой, близким и нужным читателю — своему современнику — человеком, когда он — характер, когда он — индивидуальность, своеобразно сочетающая черты нового человека, нового отношения к жизни. Поэт имеет право на свое высокое звание, когда он может одновременно сказать про себя и «я — как все!» и «я — такой-то!».

Эти две формулы неразделимы. Циклом «Моя родословная» Матушевский доказал, что «я — как все!», и подал лишь слабый повод надеяться, что он, кроме того, и «такой-то».

Третьим циклом книжки, который носит мало оправданное название «Портреты», он этого мнения изменить не может. Стихи о старом пилоте, о «Правде» в Арктике, о площадке Даргинского, о товарищах и еще раз о летчиках, — все это «ли у кого не слышно и не свое». Они принадлежат всей нашей поэзии, неформально расширившей свои тематические границы, по Матушевскому здесь не при чем.

Так неутраченно складывается представление о поэте на основании большинства напечатанных в его первой книге стихотворений.

Но есть в книге еще один раздел — цикл «Мальчишка». Это, в сущности, единственно интересная часть книжки; в ней выражено своеобразное ощущение себя в мире, и поэтому, как мне кажется, в ней заключена реальная поэтическая перспектива, в ней есть начало своего пути.

Так видеть мир и так осознать свою собственную жизнь, «будто он на всей земле первый странник, первый житель», — вот что хочет поэт:

«Ранний воин и плавец, выстрогадарь
Мне сегодня суждено первый камешек
На повальной доске вырезать форму
И вестя,
Гнать вино, донть хором, выкоренить,
Неожиданно открыть все искусства
И однажды на ветру валут поставит паруса.

«Мальчишка» — это, в сущности, единственно интересная часть книжки; в ней выражено своеобразное ощущение себя в мире, и поэтому, как мне кажется, в ней заключена реальная поэтическая перспектива, в ней есть начало своего пути.

«Мальчишка» — это, в сущности, единственно интересная часть книжки; в ней выражено своеобразное ощущение себя в мире, и поэтому, как мне кажется, в ней заключена реальная поэтическая перспектива, в ней есть начало своего пути.

«Мальчишка» — это, в сущности, единственно интересная часть книжки; в ней выражено своеобразное ощущение себя в мире, и поэтому, как мне кажется, в ней заключена реальная поэтическая перспектива, в ней есть начало своего пути.

«Мальчишка» — это, в сущности, единственно интересная часть книжки; в ней выражено своеобразное ощущение себя в мире, и поэтому, как мне кажется, в ней заключена реальная поэтическая перспектива, в ней есть начало своего пути.

«Мальчишка» — это, в сущности, единственно интересная часть книжки; в ней выражено своеобразное ощущение себя в мире, и поэтому, как мне кажется, в ней заключена реальная поэтическая перспектива, в ней есть начало своего пути.

«Мальчишка» — это, в сущности, единственно интересная часть книжки; в ней выражено своеобразное ощущение себя в мире, и поэтому, как мне кажется, в ней заключена реальная поэтическая перспектива, в ней есть начало своего пути.

«Мальчишка» — это, в сущности, единственно интересная часть книжки; в ней выражено своеобразное ощущение себя в мире, и поэтому, как мне кажется, в ней заключена реальная поэтическая перспектива, в ней есть начало своего пути.

«Мальчишка» — это, в сущности, единственно интересная часть книжки; в ней выражено своеобразное ощущение себя в мире, и поэтому, как мне кажется, в ней заключена реальная поэтическая перспектива, в ней есть начало своего пути.

«Мальчишка» — это, в сущности, единственно интересная часть книжки; в ней выражено своеобразное ощущение себя в мире, и поэтому, как мне кажется, в ней заключена реальная поэтическая перспектива, в ней есть начало своего пути.

«Мальчишка» — это, в сущности, единственно интересная часть книжки; в ней выражено своеобразное ощущение себя в мире, и поэтому, как мне кажется, в ней заключена реальная поэтическая перспектива, в ней есть начало своего пути.

«Мальчишка» — это, в сущности, единственно интересная часть книжки; в ней выражено своеобразное ощущение себя в мире, и поэтому, как мне кажется, в ней заключена реальная поэтическая перспектива, в ней есть начало своего пути.

«Мальчишка» — это, в сущности, единственно интересная часть книжки; в ней выражено своеобразное ощущение себя в мире, и поэтому, как мне кажется, в ней заключена реальная поэтическая перспектива, в ней есть начало своего пути.

«Мальчишка» — это, в сущности, единственно интересная часть книжки; в ней выражено своеобразное ощущение себя в мире, и поэтому, как мне кажется, в ней заключена реальная поэтическая перспектива, в ней есть начало своего пути.

«Мальчишка» — это, в сущности, единственно интересная часть книжки; в ней выражено своеобразное ощущение себя в мире, и поэтому, как мне кажется, в ней заключена реальная поэтическая перспектива, в ней есть начало своего пути.

СТИЛЬ ГОРОДА Об одной постановке

В образе города одни хотят видеть, прежде всего, движение: стремительную лавину людских потоков, транспорта, бесск искуственного света, сверкающие фонтаны в окружении гигантских каменных масс общественных зданий. Другие ищут противоположного — спокойных, отдаленных от промышленных зон, жилых кварталов с первыми зелеными насаждениями, преимущественно индивидуального типа. Кварталы эти им представляются уютными среди зелени, дадут от больших общественных сооружений и тем более от их узловых сосредоточий.

Таковы два крайних выражения образа города, находящие свое отражение и в теории и в практике градостроительства. Социалистический город может строиться только на современной высокоиндустриальной основе. Само собой разумеется, это не значит, что все жилища дома в городе должны быть обязательно десятиэтажной высоты, с армированными между ними поверхностями. Вполне допустимо сочетание жилых зданий большой высоты и объема с неинтенсивными формами жилой индивидуального типа. Это столь же закономерно и необходимо, как стремление, наряду с интенсивными строительными формами, ввести различные способы в город природу — воздух, перспективу, зелень.

Многообразие форм — вот основной принцип современного большого города, действующий не только эстетически, но и социально-гигиеническими требованиями. Есть унификация и стандартизация. Есть унификация строительных форм от бедности. Она нам хорошо была известна в годы восстановительного периода, когда не справившиеся еще от военных ударов наше народное хозяйство обывало нас к самоорганизации.

Но есть унификация, которая отнюдь не мешает многообразию строительных форм. Мы говорим о механизации строительства, которая одна может вывести нас из бедности жилья. Она требует разработки и применения типовых сооружений, стандартизации отдельных частей, но одновременно и многообразия форм этих стандартов.

Механизация и стандартизация в строительстве и архитектуре — это не отчуждение искусства. Нужно только, чтобы этим делом занимались творческие таланты, искусные передовые художники. Механизация и стандарт только помогают искусству выполнять свою подлинную роль, превратить ее в отдельные сооружения, а весь город в предмет искусства и сделать его действительно прекрасным.

Москва в прошлом была городом, в котором художник находил много самобытного прелестного, яркого, красочного патен. В лучших его ансамблях, а иногда даже в неприметных на первый взгляд закоулках было рассыпано много жемчужин художественного гения народа, непосредственного и мудрого, сказывалось замечательное умение иногда простым, иногда почти ювелирными средствами лепить город, сочетать, казалось бы, несоизмеримые элементы его в одну картину.

Москва в процессе социалистической реконструкции, ликвидируя свою былую усадебную культуру отсталости, не должна терять и не потеряет лучших черт архитектуры русского города. Привлекая самую передовую технику, выработавшие новые, собственные приемы строительства, мы одновременно должны сохранить умение выработать стиль, умение органического вхождения в ансамбль города новых частей по мере их появления и роста.

С этой точки зрения не все сейчас безупречно в том грандиозном строительстве, которое осуществлено в Москве за последние пять лет.

Законную гордость новой Москвы составляют ее мосты. Это действительно стоящие сооружения, являющиеся последним словом инженерного искусства и решенные архитектурно также более или менее удачно. Они полностью удовлетворяют требованиям городского транспорта и

движения судов по обводненной Москва-реке. Однако силуэт мостов был недостаточно проработан в смысле сочетания их обводов с ансамблем Брэмлы. Сильное тело их распростерлось недостаточно глибо в центре Москвы.

Не достигнута также необходимая гармония между возведенными по плану реконструкции сооружениями в бывшем Охотном ряду, а также между ними и сохранившимися здесь ценными частями старой Москвы.

Гостиница «Москва» производит огромное впечатление своими масштабами, выразительно говорящими о грандиозности возмужавшего здесь нового городского центра. Но возмужание это вызывает восхищение, не исключая даже некоторых знатоков искусства. Думается, однако, что его достоинство, преимущественно, технического порядка. Стройность его механична, корпус поставлен на неподходящем, эстетичном по своей архитектуре, покое, портал не органично смотрит, а, точно приставлен и т. п.

Расширение улицы Горького преобразует ее в прекрасную и пропорциональную магистраль. Но завязка улицы еще нет в тех двух больших жилых корпусах, которые здесь уже выстроены. Отсутствует какая-либо ансамблевая связь их со зданием театра.

Новые жилые корпуса улицы Горького сами по себе принадлежат к лучшим капитальным сооружениям Москвы. Они крупны по своим масштабам, масса их ясно выражена, но портал их не совсем современный, мелочно украшенный характер их архитектуры.

Магистраль Москвы становится удобными и эстетическими, как ни в одной столице мира. Они если не прямы, то плавны, на них — хорошая видимость. Но переход их в некоторых местах требует искусства, а иногда и нервов из-за отсутствия ясно выраженных перегибов поперечных магистралей.

Тело города в основном образуется из общественных и жилых кварталов. К сожалению, до сих пор московские архитекторы мало заботились о квартале, занимаясь строительством отдельных жилых домов. Особенно это заметно на 1-й Мещанской. Улицы эта — точно выставка, на которой демонстрируется все разнообразие вкусов архитекторов. В ней никак не выражены современный жилой квартал, новые условия социалистического быта, которые накладывают свой отпечаток не только на комнаты и квартиры, но и на лицо квартала.

Новое советское градостроительство сильнее всего опирается на набережные обводненной Москва-реки и Яузы, которые играют особенно важную роль в создании нового ансамбля Москвы. Необычайная ширина и высота мостов, монументальность застройки набережных — все это является как бы введенным в строительство Дворца Советов. И в самом деле, Крымский мост окажется в самом преддверии Дворца Советов, когда поглотит завершенные все замечательный комплекс этого дворца с окружающими его площадями и тяготеющими к нему ныне раздробленным и неформальным пространством.

От Дворца Советов к Лужанским восток Москва-реки и через нее на юго-запад строится новый район Москвы. Здесь «чувство нового», смелое новаторство не будет стеснено, как в старых районах Москвы, дореволюционным наследием. Можно надеяться, что уже в ближайшем будущем именно в этом районе Москвы поучат свое наиболее полное раскрытие новые черты социалистической столицы во всем многообразии строительных форм.

Когда речь заходит о классическом драматургическом наследии, наши театры вдруг становятся косными и пугаются «новаторства», если только этим термином можно назвать постановку не совсем «ходовыми» произведений мировой драматургии. Афиши театров, как столбчатые, так и периферийные, обычно несут только «ходовыми» авторами и пьесами, причем далеко не всегда у подлинно хороших авторов выбираются подлинно лучшие произведения.

Происходит это из-за «лени искать», из-за элементарного незнания наследия; проще дублировать, чем искать. Даже сейчас, когда на недавно состоявшемся пленуме ЦК Рабис театры призывались к тому, чтоб «проявить свой художественный вкус, они, расписываясь в своей беспомощности, требовали указаний: что ставить?

Между тем зритель действительно требует пьесы с заманчивой интригой, с резкими коллизиями, с яркими характерами, и не в случаях описанных на каждом спектакле «Марии Стюарт» в сцене смерти Марии и Елизаветы.

Сам зритель, следовательно, открывает широко двери для романтической драматургии, и не заметной, но настойчиво театр «плача и шныга» начинает входить в наш репертуар. Правда, и здесь не все благополучно не только у зрителей, но даже в нашей прессе. В недавнюю появившуюся статью одной из московских газет при перечислении историко-романтической драмы умудрились пропустить имя Виктора Гюго — одного из родоначальников этого театра. На том же пленуме ЦК Рабис возражал против «Ляна» Дюма и «Мадан Сан Жю» Сарду, очевидно поставив их на одну доску с «Историческим замком» или «Гроной шпона».

Гюго может быть по праву назван королем романтической трагедии. Борьба с классикой, вернее, с эпитимиями классики, Гюго впитал в себя основные достоинства традиций классицизма; уничтожая «единство», Гюго сохранил и даже преувеличил пафос Корнеля, женственность эмоциональности Расина. Гюго довел до наивысшей точки, значительно превосходящий стиль вышеназванных драматургов уже по одному тому, что он был больше, чем они поэтом.

Стиль Гюго не прозрачен и не плавен, как стиль Корнеля; он любит громадные периоды, он пользуется иногда пятью актами, к одному существительному прибегает в итерацию, к переносу фразы из строки в строку; он весь подчинен одной задаче: передать эмоциональность, поднять на котурны героя. Юмор Гюго благороден и тонок; он часто не только вызывает улыбку, но и заставляет задуматься, как остро и метко высказаны в «Гамлете».

Гюго любит героя из среды «гонимых», «сунженных и оскорбленных». Эриани — разбойник (правда, переодетый). Ляна в «Марлон де Лорм» — подкидыш, отщепенец. Рюи Блас — ласей. Этот новый персонаж вызывает негодование у ревнителей «трагедий». Все известные скандалы на представлениях трагедий Гюго (я намеренно не называю их «драмами»).

Однако наряду с доблестными победами и не менее доблестными поражениями в области трагедии, как «Король забавляется», «Рюи Блас», «Марлон де Лорм», «Эриани», пьесами, составляющими гордость мировой драматургии, Гюго имел и менее почетные победы. Устав от борьбы за новые кампаны, Гюго обратился к мелодраме, и в этой области не мог подняться выше ставшего в его дни традиционным уровня. Интриги Гюго не во внешнем действии, а в движении чувств, в душевном перемене. Мелодрама же требует внешнего сложения событий, и тут благодарный поэт, мастер прозы, тонкий психологический вихорота, уступил пальму первенства не только Дюма-отцу, непревзойденному мастеру интриги, но и таким звездам второй величины, как Сарду или Ожье.

Честь постановки трагедий Гюго принадлежит у нас периферийным театрам. Свердловские поставили несколько лет назад «Юю Бласа», Тбилиси — тогда же того же «Бласа», а в этом году — «Эриани». Театр им. Вахтангова не справился с «Марлон де Лорм», а в этом сезоне театр Ленсовата пробует реабилитировать перед Москвой Гюго как трагического драматурга.

По играть трагедии Гюго, требующие умения читать александрийский стих, требующие одновременно темпа и влччлности, огромной сценической возбудимости от актера, изобретательной сценической интерпретации от режиссера, — не легко. Поэтому издавна театры, не жаждяшие мучить себя, брали мелодрамы Гюго, написанные прозой, и играли их, почти как бытовую мешанскую мелодраму, вроде «Двух сиротов».

Этой же особенно литературно ценной мелодраме отведен весь третий том «Театра» Гюго, включающий «Анджелло», «Луcretию Борджиа» и «Марю Тюдор». Из этих трех пьес именно последняя всегда была хитовой, так как она легка и «кассовая». Ее постановка всегда знаменовала не желание театра показать зрителю романтический спектакль, ознакомить зрителя с новейшим творчеством Виктора Гюго, а только скверную традицию смотреть на пьесу как на «предлог к подлитою занавеса».

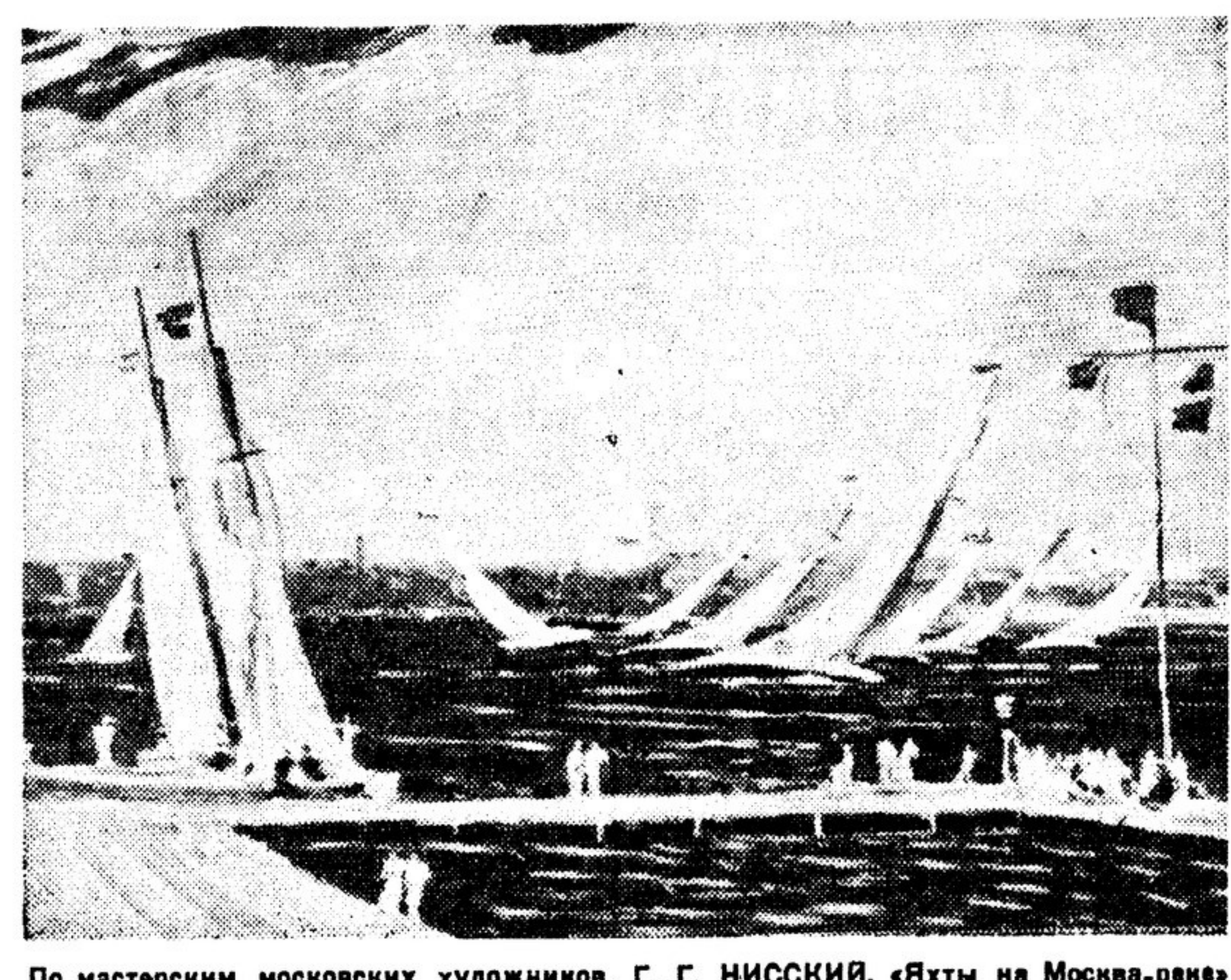
Надо отдать справедливость Московскому драматическому театру — выбор для постановки «Марю Тюдор», его режиссура (Ф. Н. Баверия) приложила не мало усилий, увеличившей сценическими находками (например, ползающий пауч в конце второго акта, выход подслушивающих заговорщиков под занавес первого акта). Одновременно театр пытался прочесть по-новому некоторые характеристики... и прочее их неверно. Когда королева Мария, которая должна вызывать у зрителя ужас, а иногда отвращение, вызывает в ряде мест улыбку и даже смех, это значит, что на сцене не Гюго! Если в этом надо видеть «погрешление» королевы, то это явное приспособленчество. Мы думаем, что это просто неверная трактовка роли, протекшая от учета сценических возможностей актрисы Царевой. Она — эпизод, а для Тюдор требуется подлинная героиня.

Так, как Царева играет Тюдор, можно отдать Ану Иоанновну, но не Кривонозу королеву.

Театр и его актеры еще не умеют играть романтику; у них нехватает темпа (особенно это относится к Дьяльбергу — Яншикову, играющему русского поэта-меланхолика; нехватает пафоса, и он подменяется бытовизмом. По существу, в подлинной традиции романтического театра играет только одна Шангва (Лжен), и поэтому, когда она в последнем акте, в сцене знаменитого диалога, переносит королеву, вызывая бурные овации зала, это замечает победу правильного метода игры. Местами, особенно в первом акте, подмывает до романтизма Терехов, играющий фаворита Фабьяна. Он хорошо движется, достаточно темпераментен, но культизмину своей роли — второй акт — он провал слабее. Вряд ли после Ренара надо играть режиссером; вряд ли творческая надо играть бытовым стариком.

Выбранный театром перевод В. Исаева — лучший из существующих переводов «Тюдор». И тем не менее он очень вынужден по языку, неудобен для сцены, порою страдает канцелярскими оборотами, а порою звучит комично (как, например, много раз повторенное «царубийственное похищение»).

Театр правильно сделал, обратившись к Гюго, даже при условии не совсем правильного выбора пьесы. От этой встречи с Гюго театр только выиграет. Хочется надеяться, что при повторной встрече не будет проигрывать и великий драматург. Зала театра не только в том, чтобы показать спектакль театра, но и в том, чтоб показать зрителю подлинного Гюго.

По мастерским московских художников. Г. Г. НИССКИЙ. «Яхты на Москва-реке» (масло).

В телевизионном центре

Далеко за пределами Москвы видна Шуховская башня, названная так в память ее создателя, академика Шухова. Это акуриная металлическая радиомачта, уходящая вверх спиралью, собранная из прямых балок. Она возвышается на Шаболовке, около Калужской площади, в одном из наиболее высоких мест города.

Радиус видимости Шуховской башни достигает 50—60 километров. На вершине ее антенна. Через нее передаются в эфир изображения, звук.

В непосредственной близости с радиомачтой, у самого подножья ее, расположены телевизионный центр и две сваянные с ним ультракотроновы радиостанции. В небольшом уютном здании телецентра — ковры, мягкая мебель, цветы. Здесь ежедневные гости — лучшие люди искусства, литературы, науки, труда.

Приближаются часы передач. Заканчивается большая подготовительная работа, которая продолжалась в течение дня. Письменно составлен заранее, кадр за кадром отрепетированный, план-сценарий сегодняшних выступлений.

Режиссер, ведущий передачу, поднимается на второй этаж в центральную аппаратуру, к пульта управления. Отсюда через длинное патентованное звукопроводящее окно он видит студию, все, что в ней происходит. Здесь же перед глазами у него мониторы — небольшие контрольные телевизионные экраны, по которым он следит за результатом передачи.

В студии тишина. Сильный ковер заглушает шаги. Операторы, дирижер, помощники режиссера — в наушниках; режиссер соединен с каждым из них телефонно.

Зажигается ответной сигнал: «Микрофон включен». Теперь режиссер становится дирижером, — все беспрекословно подчиняется его указаниям. Работа, которая началась в студии, напоминает и театр, и кино, и просто радиопередачу.

При свете ярких люстр встает спектакль московских драматических и оперных театров. Вместо артельного зала за действием следит движущийся глаз — «съемочная камера», внутри которой находится один из основных телевизионных приборов — иконоскоп, фиксирующий изображение и электрическими сигналами передающий его по проводу на радиостанцию. Рядом с ним, подвешенный на вышках журавлях, ловит звук передвижающийся микрофон. Два оператора бесшумно управляют этой усовершенствованной аппаратурой. С одинаковой скоростью — микрофон, никогда не размываясь, идет по своим каналам звук и световое изображение и абсолютно совпадает на экране.

Нередко москвичи, следя за анимацией театральной постановки, поражаются появлению картин, которые немисимы в условиях театра. В «Павле Грехове» они вдруг видят мчащийся экспресс, среднеазиатский пейзаж, ташикентский вокзал, большое строительство. Совсем не похожа на оперную постановку волнующая сцена дуэли в «Евгении Онегине», рассказ Тоски в тюрьме. Техника телевизионного вещания допускает любое монтирование театрального действия со звуковым кино.

Мастера искусства с увлечением работают в непривычных для них условиях. В Москве уже почти нет такого драматиче-

ского или оперного театра, который за короткий срок существования студии не показывал бы по телевизию своим лучшим классических и советских спектаклей.

По театральные постановки — только часть обширной работы телевизионного центра. Большую долю ее составляют концертные передачи, где широко используются все виды, все жанры искусства — от выступления солистов певцов до цирковых представлений.

Частые гости в телецентре — писатели и поэты. Отрывки новых произведений читали в студии А. Серафимович, В. Иванов, А. Новиков-Прибой, Л. Леонов, В. Гусев, С. Кирсанов, Ф. Панферов, П. Маршак и многие, многие другие. Студии посещают писатели, поэты, драматурги национальных республик. Классические и советские произведения передаются из телецентра и в исполнении чтецов — мастеров художественного слова. Здесь проводятся литературные концерты памяти Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Чехова, Маяковского. Совсем недавно с биографией и творчеством великого русского писателя анонимно зрителей по своим экспонатом музея Максима Горького. По телевизю можно получить представление о новейших достижениях советской науки и техники почти в любой области народного хозяйства.

Интерес к телевидению колоссальный. В парках, в клубах, поезде, где есть первые телевизионные приемники (в Москве около трехсот аппаратов), часто желающих смотреть передачи всякий раз превышает возможности аудитории. Но уже в текущем году советская промышленность даст Москве дополнительно 500 телевизионных приемников.

Сделать телевидение общедоступным в быту — эту задачу решает сейчас ряд научно-исследовательских институтов. Группы молодых специалистов — энтузиастов Научно-исследовательского института связи — может уже гордиться первыми успехами: три года упрямой работы не прошла лампа. В Москве есть дом (Перовский б. 17), где весной этого года телевизионные экраны установлены в 28 квартирах. Этот отныне домашний телевизионный угол, занимающий наверху всего лишь часть лестничной клетки, может обслужить одновременно 150, а при небольшой реконструкции и до 1.000 квартир. Изображение и звук передается из зала по общему телефонному кабелю на экран простого по устройству и сравнительно недорогого приемника так же точно и четко, как и самым совершенным телеаппаратом, принимающим передачу из эфира.

Постоянная грандиозная работа в области телевидения ведется сейчас для Дворца Советов. Надлежащее утверждено проектное задание обширного современного телевизионного устройства, которое предусматривает до 60 постов передачи на Дворца Советов и прилегающих к нему площадях. Антенна, подымающаяся на высоту Ленинна, на высоту 300 метров, увеличит радиус видимости ультракотроноволновых передач до 100 километров.

В залах, гостиных, фойе и на площадях перед Дворцом Советов будут установлены экраны от квадратного полуметра до ста и более квадратных метров. Такие экраны в Большом зале Дворца Советов (на 21.000 мест) позволяют хорошо видеть оратора и всю трибуну с самых отдаленных мест зала.

В. ГОЛУБЕВА

Габит Мусрепов и его пьеса

Александр ДРОЗДОВ

В Алма-атинском академическом театре недавно прошла премьера пьесы Габита Мусрепова «Козы-Корпеш и Баян-Слу». Пьесу ждали серьезный успех у зрителя и острая дискуссия в литературных кругах. Зритель, как и сам мог наблюдать, вдохновлялся рыцарскими порывами Корпеша и плакал над горестной судьбой Баяна. Люди же искусства обвинили Мусрепова в слишком открытой шекспировизации образов знаменитой казахской народной легенды и в драматургических несовершенствах пьесы.

Правда, литературные ее достоинства признаны единодушно.

Стало быть, в масштабах казахской литературы «Козы-Корпеш» — явление литературно прогрессивное, явление яркое и самобытное, несмотря на отдельные ошибки? Думаю, что это именно так. Думаю, что своей пьесой Габит Мусрепов, писатель верховной творческой судьбы, вышел в первый ряд деятелей казахской культуры.

Писательский путь Мусрепова чрезвычайно интересен. В прошлом его бросало от темы к теме, от жанра к жанру: он перепробовал и повести, и роман, и оперное либретто, и киносценарий. Многие из работ, начатых им, не закончены до сих пор. Иногда у него были соавторы, в числе которых можно встретить и таких литературных сплвачей, как В. Иванов. Напрягалась сама собою мысль, что многие жанры Мусрепову оказались не под силу, многие темы не по плечу.

Именно такое мнение сложилось о Мусрепове в литературной общности. Мнение, на мой взгляд, несправедливое. Метания Мусрепова шли не от слабости, а от жажды, от хорошей писательской жадности к жизни и ее суровому очарованию. А так как казахская проза молода, и, куда ни глянь, темы лежат петруной цепной, то, вполне естественно, у молодого писателя по всему горит душа, на все

тешусь руки. Творческой мудрости он еще не скопил, профессиональной дисциплины в себе не выработал. Он всем болел сразу, всем возводился; он всюду хотел творчески выступать, по всем направлениям посылая разветки. Как нецелесообразный, а потому и ненадежный часовой, он легко бросает под воем еще неисчерпанной темы, чтобы встать на часы около другой. С точки зрения ответственности и зрелой литературы это, конечно, никогда не годится. Это не метод работы. С этим далеко не уйдешь.

И Мусрепов понял, что одной жадности восприимчив в литературе мало, что, по словам Баратынского, помимо «пламени воображения творческого» нужен еще «холод ума поверяющего».

Тата вышедшего из подра народна писателя к золотому фонду народного эпоса закономерна.

В XIII—XIV веках в пещерах казахского народа рождалась легенда о чистой, самоотверженной, высокой любви девушки Баян и юности Корпеш. Легенда свидетельствует о глубоком лиризме народа, о силе его души, о влечении к образному мышлению. Много вариантов этой поэмы ходит по сельским пещерам Казахстана, однако, сущность ее одна — любовь как сила, движущая жизнь; любовь как высшее напряжение душевной жизни человека; любовь как союз молодых сердец, ничем нерушимый. Поэтические красоты легенды неисчислимы, они — как звезды, как самоцветы, и пещаром к ней тянутся сейчас казахские и русские поэты. Прочитайте ее: вы услышите топот табунов, и песни акынов, и скрип ночевых поозок, увязавших в жилых пещерах, вой злыбного ветра, и звон голубешины, и тонкое шепче

стрелы. Однако не только поэтические качества отличают эту легенду. Жизнь народа, затерянного в пустыне, его родовой быт, власть богатства и предрассудков, радости народа, горести народа, — все отразилось в этой легенде, одной из лучших образов подлинно народного творчества.

Какой явилась она перед нами в драматургической обработке Мусрепова? Его обвиняют в шекспировизации пьесы. Это верно, если хотеть. Но что понимать под распространением термином шекспировизации? Если это подражание Шекспиру, его манера драматического развития, его смелому и сочному рисунку, то это, конечно, худо. Если какая-либо из шекспировских пьес взята как трафарет и наложена на живое тело легенды, — это худо. Но если Шекспир прилагается Мусреповым не как опередной шаблон, но как учитель, в этом, конечно, нет никакой беды.

Прилагаем к пьесе. Сам Мусрепов говорит, что «Козы-Корпеш и Баян-Слу» — это казахские Ромео и Джульетта. Этим самым Мусрепов дает ключ к системе образов пьесы. Он не прячет метода, которому следует, он как бы выключает его, как бы выводит на авансцену. «Я не скрываю своего оружия», — говорит он, — мое оружие — Шекспир. Бейте же пьесу Шекспиром!»

Понятно, быть Шекспиром очень просто, оружие это сильное, и увернуться от него тяжело. Однако основной удар проходит мимо цели. Отдельные же удары ложатся лишь на те «голубе», а потому и беззастенчивые места пьесы, которые брошены Мусреповым недоразумительно. Такие места есть, их не мало — в них Шекспир не проделан, а только отгранен. Эти места явно подражательны, и товарищи правы, нападая на них. Однако нельзя за тремя соснами не увидеть леса. Сосны взрывают у Шекспира, но лес взрашен самим Мусреповым, лес — мусреповский. У Мусрепова было два советника: Шекспир и казахский народ. Здесь возвратит печег: оба советника дали плохие советы.

4.

В творческой интерпретации Мусрепова сюжет сложился так: в степях живет Карабай, богат, стяжатель, алчная душа, владеет неисчислимыми табунами; у него юць на выданы — Баян; он считает ее своим любимым пьес; это приводит мужа, муж покусился на его табуны! А жених уже теопяется у юрты. Среди них — Козар, человек бурного сердца, тяжелых страстей и слабой воли.

В детстве Баян была обручена с мальчиком Корпеш, своим поводом. Но Карабай, боясь, что дружба детей со временем перерастет в любовь, выгнал мальчика и его мать из аула. Матери поклялась на крови, что судьбы детей сплетутся в жизни. Пьеса течет широким романтическим потоком. И девушка, и юноша, не зная друг друга, живут предчувствием любви. Любовные поиски, томление, назревание высокой страсти — это как несия, и вся жизнь идет вместе с ними, — и степь, и горы, и ветер, и небо, и вода! Между любимицами стоят Карабай, его темный советчик Жантык и Козар, любившийся сердцем Баян. Трагедия нарастает, трагедия близка. Но паучення Жантыка, Козар из-за угла убивает Корпеша. Карабай, потирающий табуны, сходит с ума: бродит в степи, клика жеребцов. Козар ищет смерти и не находит ее. Баян — казахская Джульетта — закалывает себя кинжалом на могиле Корпеша.

Было много опасностей и легких соблазнов в трагическом этом истинно шекспировского сюжета. Почему не пойти дорогой мелодрамы — сюжет легенды строится на противоборстве злодейских и благородных образов, совершенно законченно и недвусмысленно очерченными? Или, иля по первому хоту, стремимся приблизить легенду к современности, почему не отдать предпочтение форме бытовой драмы — в легенде очень много бытовых черт, в ней лад крепкий аульный обиход, и сватовство, и пабети, и слишком земное, слишком некое спондотство Карабая?

Или, что всего проще, почему бы не приспособить легенду? Композиционная стройность ее сама толкает на этот накатанный путь.

Художественное чутье оберегло Мусрепова от этих ошибок, которые могли бы оказаться роковыми. Он делал пьесу не по легенде, а на основе ее. Сохранив за собою свободу в обращении с материалом, что для него, как художника, явилось необходимо, он создал романтическую народную трагедию, трагедию крупных страстей и крупных образов. Поэтическая сторона его дарования позволила ему добиться музыкального звучания слова. Пьеса воспринимается как трагедия-поэма. Образы Баян и Корпеша, рожденные творческой силой народа, как бы закреплены в пьесе, как бы нашли завершение, чтобы служить народу на путях его дальнейшей жизни.

Мне думается, что это значение работы Мусрепова трудно переоценить.

5.

Но работа над пьесой еще не закончена. Нужно, чтобы заросли творческой тьмой все еще пустые места. Такое пустое место — Жантык, советчик Карабая, мелкий хищник, вдохновитель Козара на злодеяние. Пока это никак образ. Просто злодей чистой крови. Но таких профессий в жизни, как слышно, не бывает. В пьесе он ходит, как бескровная тень Иго, и то пахнет, и то плетет сети, то задыхается от скуки, потому что лишен бытия, а злодейство его слишком теоретично для того, чтобы самого его волновать.

Второе пустое место — народный певец Жантык. У него есть прекрасные монологи, речь его образна и поэтична, но это речь самого Мусрепова: образа Жантыка в пьесе нет. Он — только скрепка между героями, толкает действия, такой же шептун, как и Жантык, но только шептун добрый. Само собою понятно, что обе эти роли в спектакле актерами провалены, — актером можно только пожалеть. О том, что сделал с пьесой Казахский академический театр, следовало бы написать отдельно, потому что, повторяю, «Козы-Корпеш и Баян-Слу» — явление в жизни казахской культуры знаменательное. Но это особая тема. Здесь же, в этих коротких заметках, мне хотелось поздравить казахскую литературу с отличным, несмотря на отдельные промахи пьесы, успехом Габита Мусрепова.

А. БЫЧКОВ

ПЕРВЫЙ АЛЬМАНАХ «ПРИКАМЬЕ»

МОЛОТОВ (От наш, корр.). В начале 1940 года писательский актив молодой Молотовской области выделился из свердловской организации писателей в самостоятельную литературную группу. Образованы секция прозы и поэзии.

Молотовское областное издательство выпустило первый литературно-художественный альманах «Прикамье». В нем собраны произведения молотовских писателей, написанные в этом году.

Центральное место в альманахе занимает большой отрывок из второй книги этнографической повести А. Спешникова «Бурлак». Повесть охватывает последние пятьдесят лет Октябрьской революции и начало революционных боев партизанских отрядов в Прикамье. Первая книга «Бурлак» выпущена Свердловским областным издательством в этом году.

В разделе прозы опубликованы также повесть «Калмыцкий брод» Гр. Ковалова и сказки «Жили-были» Ал. Бычкова.

Раздел поэзии представлен стихами Вас. Каменского, Г. Трунтаева, В. Завадворова и В. Михайлова.

В альманахе помещены статьи известного уральского краеведа Тарханова — «По следам первооткрывателей», «Становление орденосца Вратухина» — «Опыт моей работы» и др. Из уральского фольклора опубликован сказ ком-пермяцкого народа о Сталине — «Откуда ты солище».

Подготовлена к печати вторая книга альманаха «Прикамье».

Молотовское областное издательство выпускает в 1940 г. книги: В. Михайлова — «Юнош. Ал. Каменского — «О Мишке», «Басни» — А. Матросова, «Современные сказки» — А. Бычкова и сборник рассказов Г. Ковалова.

А. БЫЧКОВ

Литературная газета № 38 5

РЕДКИЕ КНИГИ

Среди книгохранилищ Советского Союза библиотека Государственного литературного музея занимает особое место. Сравнительно небольшая по своему объему (немного более 150 тысяч томов), эта библиотека располагает богатейшим фондом редких книг, различных уникальных изданий, книг с автографами крупнейших писателей и ученых.

Из редкостей, хранящихся в библиотеке, большую ценность представляет первая русская гражданская печать — сборник «образцовых» писем, выпущенный по указанию Петра I и напечатанный еще до установившихся, отлитых в Голландии, шрифтов. Этот сборник был издан под весьма пространным заглавием: «Приклады како пишуща комплементарны разныя на немецком языке, то есть писания от potentатов и potentатов поодиночныя и совмещенныя и иные: также между сродниками и приятелями». В дарственном ведомом граде Москве, лета Господня 1708. Апрельца».

В библиотеке хранится самая ранняя указатель театральная литература — «Драматический словарь, или показание по алфавиту всех российских театров, со означением имен известных сочинителей, переводчиков и слагателей музыки, которые когда были представлены на театрах, и где, и в которое время напечатаны. В пользу любящих театральные представления. 1787 г.». Составленный неизвестным автором, словарь этот заключает в себе указание на 339 пьес русских и иностранных писателей.

К числу больших редкостей относятся также книги, изданные в 50, 10, 5 и даже в одном экземпляре. Среди таких книг мы находим выпущенный в Павловске в 1887 году «Сказка об отношениях Пушкина к Дантесу». Рассказ этот был написан со слов 74-летнего князя А. В. Трубецкого и издан тиражом в 10 экземпляров.

В одном экземпляре был отпечатан «Catalogue de musique vocale. S. Petersburg 1891». Этот прекрасный изданный том альбомного формата принадлежал в свое время князю А. В. Шаховскому-Карцеву, обладавшему замечательным собранием книг по вопросам музыкального искусства. Установлено, что этим каталогом неоднократно пользовались Балакирев, Рубинштейн, Чайковский и другие композиторы.

Особую категорию уникальных книг составляют издания, уничтоженные царской цензурой и сохранившиеся в самом ограниченном количестве экземпляров. К их числу принадлежит редчайшая книга Я. В. Княжнина «Вадим Новгородский. Трагедия в стихах, в пяти действиях. 1708 г.». Почти все издание этой трагедии, по предложению генерал-прокурора Самойлова, было уничтожено сенатом, наутраженным событиями Французской буржуазной революции.

В 1866 году был уничтожен также почти весь тираж издания стихотворений поэта и революционера-шестидесятника М. Л. Михайлова. Из 2500 экземпляров сохранилось только одиннадцать — по числу членов цензурного комитета.

К этой же категории относятся и книги, уничтоженные по разным причинам самими авторами. Таковы, например, «Первые опыты в прозе и стихах И. Лажечникова. Москва. В университетской типографии. 1817.», книга стихов П. А. Некрасова «Мечты и арии. Стихотворения. Н. Н. Санктпетербург. 1840».

Незачем до первой империалистической войны был скуплен и издан на продажу наследником автора почти весь тираж (100 экземпляров) книги Инокентия Анненкова «Фамири-Ифарида. Вакхическая драма. Издание посмертное. Москва. 1913.». Наследник автора Кринич признал это издание самодвижимым, выпущенным вопреки его категорическому запрещению и напечатанным к тому же с непереведенного текста.

В библиотеке Государственного литературного музея хранится обширнейшее собрание книг с автографами писателей и ученых. Трудно назвать писателя, который не был бы представлен в этом собрании. Есть книги с надписью «Из книг К. Рыльева», с дарственной надписью Терпелова, с владетельской надписью Станевича на томе сочинения Гегеля.

На титульном листе экземпляра «Острова Сахалина» А. П. Чехов пишет Левитскому: «Милому Левитскому дай эту книгу на случай, если он совершит убийство из ревности и поедет на оный остров А. Чехова».

Библиотека Гослитмузея проводит сейчас большую работу по составлению описи всех имеющихся редких изданий для публикации в специальных бюллетенях, издаваемых музеем.

А. Н.

Троинин — «Автопортрет» (слева), Шубин — бюст Н. Зубова (в центре), Рокотов — портрет А. П. Струйской (справа).

В ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕЕ

Периодически развертываемые в Третьяковской галерее ретроспективные выставки дезорганизовали постоянную экспозицию картин. В особенности пострадали от этого отдела русской живописи XVIII и XIX веков. В настоящее время научный отдел галереи осуществил реконструкцию картин, графики и скульптуры в 25 залах из 50 залов всей галереи.

В основу реконструкции лег принцип целостного монументального показа творчества каждого художника. Реконструкция призвана Комитетом по делам искусств стабилизировать и не подлежащей никаким изменениям.

Произведена не только механическая переписка полотен на стенах различных комнат музея, но и обогащение собраний крупнейших мастеров русской живописи и скульптуры новыми произведениями из запасов галереи и государственного закупочного фонда.

В разделе древнего русского искусства вывешены ценнейшие произведения иконописной и фресковой живописи — мастера Киевской, Новгородской и Московской школ. Мозаичный портрет Дмитрия Солунского (XI—XII века) из киевского Михайловского монастыря является уникальным произведением. Это единственное в галерее произведение древней русской скульптуры. В этом же зале экспонирован фрагмент пиферного барельефа «Князь Изяслав Ярославич и его патрон Дмитрий Солунский» (XVI век), а также и чин из 9 икон работы мастера Новгородской школы (XIV—XV века).

В разделе XVIII века появились десятки новых картин и скульптур крупнейших русских мастеров. Вместо шести работ величайшего русского скульптора XVIII и XIX веков Шубина, сейчас выставлено 15 произведений. Среди них такие замечательные работы, как портреты Г. Орлова, П. Чернышева, «Бюст неизвестного сановника».

Крупнейшие мастера классической портретной школы Рокотов, Лейбниц и Боровиковский, ранее экспонированные в одном разделе, получили теперь каждый по особому залу. Произведениям Рокотова отведена вместо стеллажа целая комната. Посетители выставки получат возможность познакомиться с пятью крупными портретами этого художника, доселе нигде не выставившимися. Среди них замечательный портрет А. П. Струйской (1722 г.).

Среди новых картин, которые Третьяковская галерея сейчас впервые показывает своим посетителям, — 16 итальянских пейзажей И. П. Похитонина, ряд портретов В. Васнецова, «Лесные фантазии» и «Незабудки» П. Левитана и 24 этюда В. Поленова.

Особый интерес представляют много лет назад убранные в запасники галереи и сейчас выставленные портреты углем во весь рост — Ф. Шалапина и Н. Шерботовой работы В. Серова. Портрет Шерботовой художником не был закончен, так как он умер во время работы над этим портретом — в 2 часа дня 21 ноября 1911 года.

Исключительно интересно небольшое собрание надгробий знаменитого русского скульптора XIX века Маркса, автора памятника Минину и Пожарскому на Красной площади в Москве.

Выставка реконструированных залов галереи открылась 8 июля.

И. Н.

Юбилейный пленум союза архитекторов

8 июля начал свою работу пленум правления Союза советских архитекторов, посвященный исполнению сегодня пятилетие со дня опубликования постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР о социалистической реконструкции Москвы. В работах пленума принимают участие также строители, художники и скульпторы.

В президиуме пленума — секретарь МК и МГК ВКП(б) т. А. С. Шероков, секретарь МГК ВКП(б) т. Г. М. Попов, председатель Мосгорисполкома В. Пронин и академики архитектуры К. Алабян, В. Веснин, Б. Иофан, А. Мордвинов и Н. Лодья.

Пленум открыл краткой вступительной речью академик архитектуры К. Алабян. С большим докладом об итогах реконструкции Москвы за пять лет выступил председатель Мосгорисполкома В. Пронин.

— Великий план социалистической реконструкции Москвы, — говорит В. Пронин, — созданный по мысли и указаниям товарища Сталина, успешно осуществляется. За минувшее пятилетие в реконструктивных работах по Москве вложено около 10 миллиардов рублей.

Называет ряд имен архитекторов — Чер-

нышев, Шусева, Алабян, Чечулина, Мордвинов, Бурина, Розенфельд, молодого архитектора Лавейко и других, обогативших Москву знаниями полноценной архитектуры. В. Пронин говорит о необходимости борьбы против серости, реставризма и электизма, которые еще дают себя чувствовать в архитектурной практике столицы. Он акцентирует тех архитекторов, которые рассчитывают богатством отделок, роскошью примененных отделочных материалов прикрыть свою лень и мысли и беспомощность художественной фантазии.

В заключение В. Пронин останавливается на задачах дальнейшей работы по реконструкции столицы, призывая уделить больше внимания ансамблевому принципу архитектуры, малым архитектурным формам, благоустройству лесопаркового пояса вокруг Москвы и т. д.

В заключение первого заседания пленума состоялся просмотр кинокартин о реконструкции Москвы.

На состоявшемся вчера втором заседании пленума был заслушан доклад К. Алабяна о вопросах архитектуры в реконструкции Москвы.

В ПРЕЗИДИУМЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ

8 июля состоялось заседание президиума Союза писателей СССР, посвященное организационным вопросам.

Президиум Союза писателей, в целях сокращения административных расходов, предложил всем отделениям ССП в автономных республиках, краях и областях РСФСР перестроить работу аппарата отделений. Руководство местными отделениями должно быть построено по общественным началам: вместо платных уполномоченных и ответственных секретарей работой должны руководить выбранные для этого писатели в порядке их общественной работы.

Президиум ССП СССР постановил провести до конца 1940 года обмен билетами членов Союза писателей в виду того, что срок прежних билетов окончен.

СОБРАНИЕ ПИСАТЕЛЕЙ САРАТОВА

САРАТОВ. (От наш корреспондент). На состоявшемся вназначенный писателями обсуждался вопрос о подготовке к всеобщему конкурсу на лучшую пьесу.

С кратким сообщением о целях конкурса и его условиях выступил представитель Управления по делам искусств при Совнаркоме РСФСР тов. Клейнер. Он отметил, что на местах подготовке к конкурсу уделяется слишком мало внимания. Ни местное отделение ССП, ни областное управление по делам искусств до сих пор эти вопросы почти не затрагивали.

Выступившие в прения писатели говорили об отсутствии помощи молодым драматургам.

Характерный пример о молодом драматурге тов. А. Улановым. Театр одобрил его пьесу «Две дороги», помог автору добывать ее, но не принял к постановке так и не рецензия. Тов. Уланов повеял пьесу в Москву и там она принята к постановке. Прямым местное управление по делам искусств совершенно не знало о существовании пьесы, как не знало и ее автор. Пьеса В. Озерный написал пьесу для детей, сдав ее в местный ТЮЗ. Однако так ее не только не прочитали, но заявили автору, что его рукопись утеряна.

Общее собрание писателей вынесло решение: образовать при отделении ССП секцию драматургов.

М. ЮРЬЕВ.

Литературная газета

6 № 38

ОБОРОННАЯ РАБОТА СРЕДИ ПИСАТЕЛЕЙ

Закончили свою работу второй военной и первый военно-морской семинары писателей, организованные оборонной комиссией ССП и Политуправлениями РККА и Военно-Морского Флота. В двух семинарах принимало участие около 45 литераторов.

Состоявшееся на днях заседание бюро оборонной комиссии ССП СССР обсудило итоги работы семинаров.

По общему признанию оба семинара работали хорошо и многое дали писателям. Пролетарский цикл лекций военных специалистов, преподавателей военных академий и разных родов войск и их организации. Слушатели ознакомились с условиями ведения современных войн, попернули знания из области военно-морского искусства, тактики, топографии и т. д.

Сейчас необходимо закрепить полученные знания. Бюро оборонной комиссии решило просить Политуправление Военно-Морского Флота ускорить посылку писателей на корабли и в соединения.

Решено также просить Политуправление РККА и редакцию газеты «Красный воин» о посылке писателей, закончивших второй военный семинар, для практической работы в красноармейских газетах в лагерный период.

5 июля в Клубе писателей в Сушином семинаре была проведена Вс. Шипиловым беседа о работе военного корреспондента.

О ДОРОЖИХ ИЗДАНИЯХ И МАССОВОМ ЧИТАТЕЛЕ

Года два назад Дегадат выпустил сборник воспоминаний о Карле Марксе. На полках магазинов магазинов книжки эту почти не видели: небольшой тираж ее (всего 25 тыс. экземпляров) разошелся буквально за один час. Вместе с детьми книгу покупали люди, давно вышедшие из детского возраста, — покупали для себя.

Зачем бы, что этот факт должен был натолкнуть наших издателей на мысль собрать все наиболее ценные воспоминания о Марксе и издать их отдельной книгой и большим тиражом.

На днях такая книга вышла в издательстве «Молодая гвардия».

Прекрасная, содержательная книга! Собранные в ней очерки и белгие записки соратников и современников Маркса дают очень много ценного материала каждому изучающему Маркса и марксизм. В оформлении книги издатели привнесли много любви и вкуса. Книга отпечатана на хорошей бумаге большого формата. Четкие и красивые столбцы текста и оживляющие их широкие поля приятно радуют глаз. Замечательные иллюстрации художника Жукова на вкрадливых листах и строгий красный переплет украшают книгу.

Это, несомненно, одно из лучших советских изданий за последнее время.

— Замечательная книга, — сказали мы одному работнику издательства. — Когда ее можно будет купить?

— Вряд ли вам это удастся, — равнодушно ответил тот. — Тираж ведь очень маленький — восемь тысяч.

Да, как это ни странно, тираж этой книги, выпущенной молодежным издательством и предназначенной для молодежи (см. предисловие), — всего 8 тыс. экземпляров. А цена ее — 30 рублей!

Впрочем, удивительного тут ничего нет. Не так давно в том же молодежном издательстве вышел прекрасный сборник «Родина». Издание было расхвачено многими центральными газетами, но, к сожалению, ни одна не решилась не отменить одной существенной «мелочи»: сборник вышел тиражом 30 тыс. экземпляров и стоил он 30 рублей.

И вот спрашивается: для кого же выпускает эти книги издательство «Молодая гвардия»? Кто сможет купить их, если тираж этих изданий ничтожно мал, а цена непомерно велика, — молодой рабочий, студент, учащийся или комсомолец-колхозник?

Мы далеки от того, чтобы возражать вообще против выпуска дорогих, художественно оформленных изданий. Нет, они нужны. Но наряду с ними издательство «Молодая гвардия» да и Гослитиздат (он сейчас готовит два роскошных малотиражных и дорогостоящих сборника о Ленине и Сталине) обязаны выпускать также ценные книги большими тиражами.

Иногда эти книги будут оформлены скромнее, и в них не будет таких широких полей и иллюстраций на вклейках, но пусть они выйдут в таких тиражах и стоят столько, чтобы каждый советский человек смог их купить, читать и учиться по ним жить и работать.

В. АНОВ.

Опера «Лейли и Меджнун»

Генеральная поэма Алишера Навои «Лейли и Меджнун» послужила мотивом для либретто оперы, написанной драматургом Хуршидом.

Музыку оперы написал народный артист СССР П. М. Глазир и молодой узбекский композитор Талиб Садыхов. Авторы оперы широко использовали узбекские народные мелодии.

НОВЫЕ КНИГИ

Мифы древнего Египта

В издании Государственного Эрмитажа вышла книга М. Э. Матве «Мифы древнего Египта».

В трех главах первого отдела книги (Сказания о сотворении мира, Солнечные сказания, Озирис) автор в популярной форме рассказывает о древнеегипетских мифах и их происхождении.

Во втором разделе даны переводы всех основных египетских мифов, дошедших до нас в более или менее полных литературных записках.

Более 60 рисунков иллюстрируют это издание.

Туркменский фольклор

Институт языка и литературы Туркмении проделал большую и ценную работу по собиранию, обработке и подготовке к печати фольклора туркменского народа.

54 сказки объединяет первый том «Туркменских народных сказок», который выйдет в июле текущего года.

Отдельными книгами будут изданы «Детские сказки» и «Женские песни».

Подготовлены к печати сборники «В часы досуга» и «Сказка шахира». Содержимое этих сборников составляют сказки, записанные со слов народных шахиристов — орденосцев Ата Салеха и Дурды Кылыча.

Готовится к изданию и сборник «Солтан Солон и Мрли Шир», составленный из народных сказаний о султанах Балкоро и поэте Навои.

Литературные новинки в Удмуртии

В Удмуртском государственном издательстве вышли на печать роман молодого удмуртского писателя П. Билюнова «Улам пот» (ч. 1), повести повестей «Хлеб», А. Толстого, «Мальчик из Ужумца» Голубовой, «Тамань» и «Бала» Лермонтова (в переводе М. Петрова) и «Рассказы старых рабочих о товарище Сталине».

Научным исследовательским институтом подготовлен к печати «Русско-удмуртский словарь», в составлении которого участвовали писатели А. Бутolini, М. Перов

и другие.

Массовые издания Гослитиздата

Издательство «Художественная литература» выпускает в ближайшем времени 60-тысячным тиражом «Двенадцать» Блока, «Ганкер «Дербент» Ю. Крымова, «Тарас Бульба» Гоголя, «Как делать стихи» В. Маяковского.

Рассказы Шолом-Алейхема

В издательстве «Художественная литература» вышел сборник рассказов Шолом-Алейхема. Сборник открывает вступительное критико-библиографическое очерком еврейской писательницы Р. Рубиной.

Некоторые из помещенных в сборнике рассказов печатаются в новом переводе, как например рассказ «Человек-птица», заново переведенная В. Ивашером и Р. Рубиной.

«Дети и кино»

К олимпиаде детского творчества Госкиноиздат выпускает сборник статей и очерков о детях-киноактерах и детской самостоятельности в кинематографии.

В сборнике участвуют Г. Ромаш, Т. Лукашенич, А. Раузицкий и другие кинорежиссеры.

«Турксиб»

Под таким названием в Казахстане вышел литературно-художественный сборник, посвященный 10-летию Туркестано-Сибирской железной дороги.

Сборник открывается письмом рабочих и служащих Турксиба вождю народов товарищу Сталину. Письмо написано в стихах.

В книге напечатаны стихотворения и рассказы участников строительства дороги, среди которых — произведения Сафарали Бегалина и Самата Салдыкова.

Казахские поэты Таир Жарков, Аскар Токмаганбетов, Д. Свения также печатаются в сборнике свои произведения, посвященные 10-летию Турксиба.

Однотомник Анри Барбюса

Издательство «Художественная литература» выпускает однотомник избранных произведений Анри Барбюса.

В однотомнике вошли два крупнейших произведения писателя: «Огонь», с которого началась его мировая слава, и роман «Слава». Последний печатается в оригинале, но под обычным своим русским названием «Свет».

В. Н. Ленин в своем высказывании о революционном значении творчества Барбюса именно так перевел французское «Слава» — «Ясность».

Значительную часть книги составляют «Письма с фронта», написанные Анри Барбюсом в период 1914—1917 гг.

Редакционная коллегия: В. ВИШНЕВСКИЙ, А. КУЛАГИН (отв. редактор), В. ЛЕБЕДЕВ-НУМАЧ, М. ЛЮБИЦКИЙ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. ФАДЕЕВ.